

Владимир Григорьевич Колычев

Пацаны, не стреляйте друг в друга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165000

*Владимир Колычев. Пацаны, не стреляйте друг в друга: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27093-4*

Аннотация

Капитан милиции Марк Панфилов назначен участковым в элитный подмосковный поселок. Казалось бы, какие там могут быть преступления! Но не успел он приступить к своим обязанностям, как вдруг такое началось! Бронежилет спас участкового от пули снайпера, крепкие стены – от разорвавшейся рядом гранаты. Кто это шалит, не местный ли бизнесмен, с которым у Марка давние счеты? Много лет назад они соперничали за сердце красавицы и враждовали друг с другом. Но ведь столько лет прошло...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Колычев

Пацаны, не стреляйте друг в друга

Глава первая

С высоты холма Серп-озеро было как на ладони. В окружении сосновых рощ, ельников и липовых дубрав заповедного леса. Озеро питалось от подземных ключей, и в любую пору вода в нем была чистой и прозрачной. Ни ряски, ни тины, ни каймы из болотных камышей. Спокойно-торжественная вода серебристо-изумрудного оттенка, вдоль дальнего берега – темно-зеленая бахрома, отраженье лесной гряды. Широкое озеро, глубокое, прохладное. А в небе жаркое солнце – казалось, не выдержали белесые облака его палящих лучей, спустились в свежие воды, плещутся в них, охлаждаются, чтобы снова затем воспарить в знойную высь.

Машина шла под уклон, и озеро все ближе, и село, приютившееся на пологом берегу. Церковь с золочеными куполами, кирпичные дома и бревенчатые избы, утопающие в зелени улицы.

Патриархальность деревенского пейзажа нарушали большие коттеджи с пластиковыми окнами и спутниковыми тарелками на черепичных крышах. В самом селе таких домов было не очень много, но чуть в стороне, по другую сторону дороги, разлеглись особняки элитного поселка. На берегу, непосредственно у воды – всего семь-восемь домов. На второй, менее престижной линии, коттеджей побольше, на третьей – и вовсе не счесть. Все линии дальней своей стороной упирались в ограду заповедного леса, а над последней, четвертой, нависал крутой обрывистый склон косогора.

Грузный краснощекий мужчина в милицейской форме смотрел на элитный поселок с завистью и начальственным осуждением. Плешивая голова, светлые выгоревшие брови, поутинному приплюснутый нос. На плечах мятые погоны с майорскими звездами.

– Сколько раз говорил, что Серебровка уже давно не та, что прежде, – ворчал он. – Половину села дачники скупили, опять же коттеджей понастроили – людей раза в три больше прежнего. Криминогенность растет, а на все про все – один участковый. Говорил, говорил начальству, а все как об стенку горох...

– Почему как об стенку? – неохотно отозвался второй мужчина.

Рослый, плечистый, холеный и лохотный. Темно-русые густые волосы, аккуратная прическа, черные щетинистые брови, римский нос, волевой подбородок. Возрасту он был сорока трех лет, но лицо свежее, здорового цвета, ни единой морщинки. Новенький, безупречно пошитый милицейский мундир смотрелся на нем так же солидно, как фрак на лорде из английского парламента. И сам по себе он выглядел настолько важно и значимо, что его можно было бы принять за милицейского генерала, если бы не капитанские погоны.

– Я к вам назначен... Этого что, мало? – спросил он, меланхолично усмехнувшись.

– Если бы только тебя, уважаемый Марк Илларионович. Участкового добавили, двух помощников, младшего состава. Пять человек в штате. Пять! Больше, чем надо!..

– Это плохо?

– Нет. Но на других участках людей не хватает... Хотел одного участкового у вас забрать – не дали! А все почему?

– Почему?

– Потому что земля здесь очень дорогая. Тридцать километров от Москвы, водоем – один из лучших. Большие люди здесь живут, миллионеры. Им порядок в их новом поселке нужен. Потому и штаты расширили. Чтобы вы, товарищ капитан, их охраняли.

– А я разве против?

– Нет, но... Говорят, олигархов больше нет, а штаты под них до сих пор меняют...

– А куда они делись, олигархи? Как были, так и есть... А лично я ничего не менял, – более весело, чем обычно, сказал капитан.

– Так не про вас же разговор... У кого-то из местных большие связи наверху, – майор бросил быстрый взгляд в сторону элитного поселка. – Или деньги большие. Или то и другое...

– У кого конкретно?

– Не знаю, мне не докладывали. У нас досье на жителей Новой Серебровки нет...

– Новой Серебровки?

– Ну, если считать, что есть старая Серебровка, то элитный поселок – новая. Новая Серебровка для новых русских... И у меня для тебя, капитан, есть служебное задание. Хотелось бы знать, кто проживает здесь, кто чем занимается... Ну так, в плане общей информации...

– А что, старый участковый не знает?

– Кое-что он, конечно, знает. Но полной информации нет... Ну вот, мы приехали!

«Нива» остановилась возле каркасно-щитового строения в канадском стиле. Двухэтажное служебное здание в светло-серых тонах, пристроенный гараж с автоматическими воротами, аккуратная оградка, служебный дворик с беседкой, тротуарная дорожка, спускающаяся к озеру. Сосны, березы, доцветающая черемуха с ее головокружительным ароматом. Это и был участковый опорный пункт милиции. Судя по всему, строительство было завершено совсем недавно.

Начальник службы участковых районной милиции смотрел на здание с восхищением и завистью.

– Как будто с неба все свалилось, – сказал он. – Не было ничего, и раз – как будто волшебной палочкой кто-то махнул. И опорный пункт построили, и штаты раздули. Машина своя... И не заберешь ничего отсюда...

– А не надо ничего забирать, товарищ майор, – шутливо, но не без укора предостерег его капитан Панфилов, которому предстояло заведовать милицией села Серебровка в двух ее ипостасях, Старой и Новой. – Чем больше людей, тем лучше. Да и машина не мешает: своей-то у меня нет.

Он заметно оживился, выбравшись из тесного салона служебного автомобиля. Расправил плечи, широкой грудью вдохнул привольный воздух сельской слободы.

– И офис ничего, мне нравится...

– Еще бы он не нравился! Комфорт, водопровод, все удобства... За каких-то три недели поставили... Знать бы, кто волшебник.

– Ничего, узнаем. Поработаем с контингентом, – Панфилов кивнул в сторону высокого дощатого забора, за которым прятался элитный поселок. – Может, что и прояснится... Только нужно ли это?

– Нужно, нужно. Благодетелей своих в лицо знать надо... Может, он в нашем РОВД захочет палочкой своей махнуть.

– Если найду, спрошу.

– Спроси, спроси, Марк Илларионович...

Майора Перелесова можно было понять. Здание опорного пункта поставили в рекордно короткие сроки, но с душой и знанием дела. И в обстановку были вложены немалые средства. Просторно внутри, светло, комфорт, отсутствие прогорклого казенного духа. Подвесные потолки, жалюзи на окнах с бронированными стеклами, недорогая, но элегантная мебель, в приемной большой кожаный диван. Четыре кабинета, три комнаты общежития на втором этаже, тренажерный зал, помещение эмоциональной разгрузки с плазменным

телевизором, санузлы в импортном кафеле. Одним словом, непозволительная роскошь для сельских участковых. И это при том, что их городской начальник работает в тесных и полутемных казематах районного отдела внутренних дел.

Кабинет начальника опорного пункта, он же старший участковый, по своим размерам и офисно-техническому оснащению вызывал у Перелесова неприкрытую зависть. Панфилов насмешливо повел бровью, когда майор водрузил свое седалище в кресло за главным столом.

– Может, мне сюда перебраться? Как ты думаешь, Марк Илларионович?

Панфилов лишь пожал плечами. Не привык он отвечать на риторические вопросы.

– Повезло тебе, капитан. Ничего не скажешь, повезло...

В кабинет зашел молодой офицер.

– Участковый уполномоченный младший лейтенант Затонов! – бодро отрапортовал он.

Улыбка до ушей, жизнерадостный огонь в глазах, смешные веснушки на носу, на щеках здоровый задорный румянец. Высокий, худощавый, немного нескладный. Стрелки на форменных брюках наглажены до бритвенной остроты, но сами штанины коротковаты – виден верхний срез неуставных туфель.

Сразу за ним в кабинет вошли два прапорщика. Помощники участковых. Молодежь. Молчаливые, плотные, крепкие и статные, как племенные бычки класса «элита-рекорд». У этих все в полном порядке – и с форменной одеждой, и с физической формой, и с душевным состоянием.

– Прапорщик Левшин, – представился один.

– Прапорщик Захарский, – назвался второй.

Оба обращались исключительно к Панфилову. На Перелесова они даже не смотрели. Казалось, он для них не существовал вовсе.

– А Костромской где? – с важным видом спросил майор.

Левшин и Захарский даже ухом не повели. Откликнулся только Затонов:

– Так на выезде он. На ферме корова пропала, ищет.

– На ферме, корова, – передразнил его Перелесов и с сочувствием посмотрел на Панфилова. – Нелегко тебе с ним придется, Марк Илларионович, – Юрий Леонидович у нас парень с норвом...

Капитан Костромской долгое время был в Серебровке одним-единственным участковым. В принципе, он и должен был возглавить опорный пункт со всеми его новыми штатами. Но судьба в лице начальника отдела кадров оставила его в прежней должности участкового и возвысила над ним капитана Панфилова. Обиделся Костромской, оттого и воротит нос от нового начальника.

– Ничего, разберемся, – пообещал Панфилов.

– Надеюсь, Марк Илларионович, очень надеюсь, – сановно глянул на него Перелесов.

Он был немногословен. В общих словах обрисовал ситуацию в Серебровке, обозначил текущие и перспективные задачи, пожелал удачи и с затаенным чувством зависти направил семьдесят шесть лошадок под капотом своего «УАЗа» в обратный путь.

В полной мере ситуацию с криминогенной обстановкой на селе мог прояснить капитан Костромской. Панфилов решил присоединиться к нему в его розысках. Где находится ферма, он знал. Но оказалось, что искать его нужно в другом месте.

– В клубе он, – сказал Затонов и виновато отвел в сторону глаза.

– А корова?

– Корову он еще утром нашел... В клубе у него кабинет, не хочет он оттуда уходить...

Там он сейчас...

Недолго думая, пешком Марк Панфилов направился к главной сельской площади. Оба прапорщика молча устремились за ним.

– А вы куда, господа помощники? – спросил он, осаживая их строгим взглядом.

- Э-э, ну, может, помощь нужна будет, – пожал плечами Левшин.
- Да и не спокойно здесь на селе... говорят, – добавил Захарский.
- Кто говорит?
- Ну, говорят, – замялся прапорщик.
- Я уж как-нибудь сам. А вы отдыхайте. Пока есть возможность.

Старый опорный пункт размещался в сельском клубе. И кабинет участкового там же. Старый клуб, кабинет затрапезный, тесный, с одним-единственным телефоном, чудом сохранившимся с тридцатых годов. Но Панфилов был молодым лейтенантом, когда впервые получил назначение в Серебровку – тогда еще единую, не деленную на простонародную и элитную. Два года в армии, два года в школе милиции, всего по две звездочки на погонах, зато впереди – целая жизнь... И воды много с тех пор утекло, и роза ветров изменилась...

Он шел по главной улице большого села. Пыльная дорога, подгнившие дощатые мостки вдоль нее – на случай дождливой погоды. Деревянные столбы с плохо натянутыми проводами, деревья не стройными, но пышно цветущими и зеленеющими рядами, бревенчатые избы, шаткие заборы. Раньше здесь царил образцовый порядок – нигде ничего лишнего на виду, дома вдоль главной улицы вовремя красились, крыши ремонтировались. Цветов было больше... Сейчас же и дома были блеклые, местами хлам у заборов, ржавый «Запорожец» без стекол и колес – как заноза в глазу. И навозом почти не пахнет. Если селянам лень возиться со скотиной, что уж говорить про дачников, которых здесь, пожалуй, было уже больше, чем местных жителей.

По пути он встретил старых знакомых, из далекого прошлого, двух родных братьев. Постарели мужики, ходят еле-еле, но глаза живые, шкодливые. Они узнали Марка Илларионовича, приподняли свои кепки в знак приветствия. Панфилов задорно улыбнулся им вслед. Давно не было у него на душе так раздольно-весело, как сейчас.

Клуб находился на главной сельской площади. Здесь все как прежде – церковь за железной оградой, здание сельского правления, двухэтажное здание сельсовета, магазин, за которым, как помнил Марк Илларионович, начиналась дорожка к сельскому клубу.

Аккуратные газоны, клумбы, пышные липы. И среди всего этого великолепия находился сельский клуб – длинное одноэтажное строение с обшарпанными стенами и пыльными, давно некрашенными окнами. Перед входом висел выгоревший на солнце плакат: «Дисотека. Пятница, суббота. 19.00». Все, больше ничего. Да и не нужны заманчивые обещания и красноречивые слоганы в условиях, когда конкуренция отсутствует напрочь. Единственный клуб на все село. Здесь же игорный зал, который не нуждался в рекламе по той же причине. Впрочем, за рекламный экспонат можно было принять меланхоличного здоровяка в черной униформе охранника на входе в мини-казино. Стоит на крыльце, заложив руки за спину, покачивается взад-вперед на широко расставленных ногах. Ни дать ни взять сельский унтер Пришибеев.

Вход в клуб никто не охранял. Мрачный гулкий вестибюль, скрипучий деревянный пол, прямо – двустворчатые двери, за которыми находился большой зал, влево – коридорчик с двумя помещениями для стражей порядка и небольшой камерой для задержанных. Кабинет участкового и пункт охраны правопорядка с добровольными его помощниками из представителей народной дружины. Одна дверь была приоткрыта.

Панфилов взялся за ручку, но дверь открывать сразу не стал. На мгновение представил себя молодым лейтенантом, только что прибывшим в Серебровку по распределению. Приятно было вспомнить молодость...

* * *

Сенька и Санька Караваевы, два брата-акробата – их так и называли за глаза. Смешные, вздорные и непутевые. То бой быков на ферме организуют, то гонки на тракторах. Без жертв, как правило, не обходилось. Марк только-только принял должность, еще даже не успел освоиться в своем кабинете, но уже знал, какая молва шла о братьях.

– Петуха у нас украли, товарищ гвардии лейтенант!.. – сокрушенно качая головой, начал было старший брат.

– Почему гвардии? – перебил его Марк.

У братьев украли петуха, и он должен был найти преступника.

– Потому что село у нас большое, без гвардии никак нельзя. А вы единственный у нас офицер. Потому и гвардии лейтенант! – не сморгнув глазом, объяснил брат младший.

– Странная какая-то логика.

– Ну почему же странная! – возмутился Сенька. – Железная логика! Мы другой и не знаем!

– Тогда, может, вы и вора уже нашли с помощью вашей логики?

– Ну, конечно! Санька сказал, что козел его какой-то спер. А если козел, то воняет от него. А если так, то он возле фермы живет. А возле фермы у нас Митька Стреляный живет... Мы бы к нему сами сходили, но у него кулаки дюже здоровые...

– Митька Стреляный?! – лейтенант Панфилов с трудом сдерживал себя, чтобы не прыснуть со смеху. – Возле фермы? Козел вонючий?..

– Ага! – одновременно кивнули братья.

Они были серьезны, но при этом гримасы на их лицах были настолько уморительными, что им бы сейчас мог позавидовать сам Савелий Крамаров.

– Тогда, может, скажете, что у меня в сейфе лежит, если вы такие умные?

– Сейф железный, – переглянувшись с братом, сказал Санька.

– А если железный, то в нем что-то деревянное, – добавил Сенька.

– Ну, а если деревянное... – крепко задумался один мыслитель. – Сейф очень железный... Значит, деревянное с железным...

– Да, да, – поддержал брата второй. – Деревянное с железным... И тяжелый. Но не слишком... Молоток у тебя там, гвардии лейтенант!

Марк открыл сейф и в полном смятении чувств достал оттуда и положил на стол тот самый инструмент, который напророчили ему братья. Ни документов там не было, ни оружия, только молоток, который он сегодня утром взял у начальника клуба, чтобы починить расшатанный стул. Утром взял, сегодня. Братья никак не могли знать о нем.

– Пошли! – снимая с вешалки фуражку, решительно сказал Марк.

И вместе с братьями направился домой к Митьке Стреляному. Когда-то это был первый парень на деревне – красавец, задира. А ныне он считался первым алкоголиком на селе. Лохматый, запущенный, зубы гнилые. От него действительно воняло, как от некастрированного козла. Немытый, с глубокого похмелья, глаза сикось-накось.

Какое-то время Марк смотрел на него молча, с ехидной подначкой. Наконец жестко отчеканил:

– Братьев Караваевых обокрали. Говори, Дмитрий Батькович, куда животину краденую дел?

– Животину?! – возмутился Митька. – О чем разговор, начальник! Я даже не знаю, где они живут!.. Лешка Говорухин знает! Он у них в гостях был! Знает, где что!.. А я человек честный, начальник. И не нужен мне петух ихний!.. Что ж, если выпивает, то вор, зна-

чит, да?.. Вы у Лешки поищите. У него печень больная, ему врач бульон куриный назначил. Бульон, начальник! Куриный! Вот и делай выводы!

Марк сделал вывод и с удивлением, близким к истерическому, посмотрел на братьев. Идиотская у них логика, но в Митьку Стреляного попали точно. Он украл петуха, сам же в том и признался. А Лешка Говорухин с его больной печенью здесь ни при чем.

Глава вторая

Капитан Костромской недовольно поднял взгляд на своего начальника. Но парабола его бровей распрямилась, когда он узнал в нем Панфилова.

– Товарищ лейтенант? – изумленно протянул он, поднимаясь со стула.

– Уже капитан, как видишь, – от души улыбнулся Марк Илларионович.

Леонид Иванович Костромской уволился из милиции по выслуге лет, вернулся в родное село, возглавил пункт охраны правопорядка. Лейтенант Панфилов работал рука об руку с ним – сколько дел вместе раскрыли, сколько водки на пару выпили. Сыну Леонида Ивановича было тогда четырнадцать лет, а Марку – двадцать три года. Юрка часто бывал у отца, помогал ему выявлять самогонщиков и насаждения конопли в огородах. И ничего зазорного Юрка не видел в том, что своих же сельчан в руки правосудия сдает. Не видел, потому что с детства милиционером хотел стать. Так и вышло.

– Уже капитан, – кивнул Костромской. И многозначительно глянул на погоны Панфилова.

Дескать, в полковниках ему пора уже ходить, а он все в младшем офицерском составе.

– Уже... – ничуть не смутился тот. – Должность у меня хорошая была. Служилось хорошо, звания новые раз в год давали. С полковника начал, до капитана дослужился.

– Что за должность? – всерьез воспринял шутку Юра.

– Это анекдот такой есть. Не было никакой должности. И полковником я не был. Даже майором...

– А служили где?

– Участковым, в городе. Вот на повышение пошел. Родное, так сказать, село, старший участковый. Майора, может, скоро получу...

– Мне тоже майора пора получать, – невольно нахмурился Костромской.

– Да ты не переживай, парень. Я здесь долго не задержусь. Будешь еще начальником.

Скоро будешь...

– Да ладно, чего уж там, – смутился Юра.

– Не ладно. Думаешь, я тебя не понимаю? На капитанскую должность желающих не было, а как майорскую ввели – так начальник со стороны вдруг объявился.

– Ну, если бы со стороны... Если б я знал, что вас назначат...

– А ты не знал?

– Нет. Сказали, что какой-то «варяг» будет...

– Поэтому и решил здесь остаться, в этом кабинете? Сам себе голова, а «варяги» – сами по себе, так?

– Да нет, – смущенно пожал плечами Костромской. – Просто я подумал... Опорный пункт для чего строили? Вернее, для кого?

– Для кого?

– Для новых русских, из коттеджного поселка. Их же охранять надо... А о нашей Серебровке кто заботиться будет?

– Значит, новый опорный пункт – для Новой Серебровки, а старый – для Старой?.. Если бы так, Юра, а то ведь обида в тебе говорит... Или уже все в прошлом, а?

– Ну, в прошлом... – не стал противиться Костромской. – Все равно Самсоныч кабинеты эти забирает. Игорному клубу расширяться некуда. А сюда из Новой Серебровки наезжают, деньги неплохие крутятся. Игровой зал есть, бар еще нужен...

– Самсоныч, говоришь, забирает? – удивленно повел бровью Панфилов. – Он что, до сих пор у руля?

– Глава муниципального образования.

– Звучит... Надо бы к нему зайти, представиться. Сколько ему лет было, когда я уходил?
– Лет пятьдесят. Сейчас семьдесят. Здоровый мужик, сносу нет. Не курит, не пьет, зимой снегом растирается...

– Не пьет? С кем же мне тогда рюмочку-другую пропустить? – весело улыбнулся Панфилов. – С отцом твоим?

Юра помрачнел, насупил брови.

– Не с ним. А за него, – печально вздохнул он.

– Извини, не знал... Когда?

– В позапрошлом году, весной. Инфаркт...

Он поднялся со своего места, открыл сейф, вытащил оттуда бутылку водки, два стакана, четким привычным движением сорвал пробку.

Марк Илларионович выпил, не закусывая.

– Ух, зараза! Резка! Спирт с водой!..

– Что, не понравилось? – недоуменно глянул на него Костромской.

– Да нет... Дерьмо, если честно. Зато какая атмосфера!..

– Какая?

– Молодым себя почувствовал. На отца своего ты очень похож. Как будто лейтенант я, с Иванычем газ-квас... Эх, душевный был человек... А с Самсонычем я поговорю. Себе хочу этот кабинет забрать. Сам здесь буду заседать.

– Шутите?

– Нет. Нравится мне здесь... Может, я за молодостью сюда ехал. А новый кабинет мне, Юра, и даром не нужен...

– Но там же не только кабинет, там еще и общежитие...

– Не хочу.

– Там же комфортно. Мебель, плазма...

– Ерунда... Мне бы, Юра, дом обычный, деревенский снять...

– Я не знаю... Снять можно. Но если в сезон, то дорого выйдет. Места у нас элитные, так сказать, до Москвы недалеко, озеро – купанье, рыбалка. Летом дачников понаедет...

– Дорого, говоришь... – в глубоком раздумье покачал головой Панфилов. – А что значит, дорого?

– Если в среднем, то где-то тысяча в месяц. В долларах.

– Тысяча долларов в месяц... Для капитана Панфилова, может, и дорого... А если комнату снять? Мне бы ту самую, где я раньше жил...

– У Егоровны?

– У нее, – в легком ностальгическом волнении кивнул он. – Как она там, живая хоть?

– В позапрошлом году еще живая была. А как сейчас, не знаю. Дом продала, задорого, к дочке в город переехала...

– Хорошая женщина, обедами меня кормила. Самые вкусные пельмени – у нее... А дом хоть стоит?

– Куда там! Нет избы, снесли подчистую. Там сейчас особняк строится. Что вы хотите, первая линия у воды. Там земля самая дорогая... В новом поселке земли свободной уже нет, здесь выкупают...

– Пусть выкупают, лишь бы порядок был. Или проблемы?

– Ну как сказать, – пожал плечами Костромской. – Новые тихо живут, самогон не гонят, водку гуртом не жрут, жен по улицам не гоняют. Тихие омуты у них, свои там черти... В апреле одного из озера вытаскивали. Говорят, сам в прорубь нырнул... Не верю я. Думаю, что помогли...

– А может, и сам, – задумчиво изрек Панфилов.

– Глупости. Мужик в расцвете лет, богатый, сладкая жизнь, все такое. Дочь в Англии живет, сын во Франции, в Сорбонне учится. Сам с женой молодой жил. Видел я ее, красавица. А дом какой... Жить бы да радоваться.

– Молодая жена, говоришь? А старая где?

– Умерла. Так он молодую нашел...

– И что с того? С молодой по старой так затосковать можно...

Марк Илларионович ушел в себя, замолчал.

– Как? – спросил Юра, чтобы вывести его из ступора.

– Не знаю... Не было у меня старой жены... Все молодые... И красивые... Вначале вроде бы все хорошо, а потом такая тоска... О чем это я?

– О молодых красивых женах.

– Не все так просто, Юра, как кажется... И не такие уж они счастливые, эти новые русские, как тебе кажется...

– Вы откуда знаете?

– Знаю. Я же в Москве работал, с олигархом там одним разговаривал. Жаловался он мне. Плохо, говорит, когда денег под завязку. Ты думаешь, почему они с жиру бесятся? Потому что стремиться больше не к чему. Вот они и выдуриваются, кто во что горазд...

– Вот именно, что с жиру бесятся, – недоверчиво усмехнулся Костромской. – Им бы лопату в руки да зарплату три тысячи в месяц, посмотрел бы я, как они запели. На богатство жалуются, а бедняками быть не хотят...

– Жалуются. И не хотят... Но это не наши с тобой заботы, Юра. Пусть как хотят, так и живут. У них свои черти, а у нас, брат, свои тараканы... Может, на улицу выйдем, а?.. Как там в песне, глянем на село. Не знаю, гуляют ли там девки, но на душе у меня весело... Знаешь, анекдот такой. Сидят два червя в навозе, молодой и старый. Сын у папаши спрашивает – почему, говорит, одни черви в яблоках живут, другие в абрикосах, а мы в дерьме? «Понимаешь, сын, есть такое понятие – Родина!» Смешно? А мне не очень... Такое ощущение, что я в эту самую родину попал. И так на душе хорошо... Отвык я, Юра, без закуски пить. Захмелел я, кажется...

– На свежий воздух надо. Пошли, по селу пройдемся, покажу, что здесь да как...

– Нет, завтра покажешь. Давай на озеро сходим, по берегу хочю пройтись.

Панфилов давно уже мечтал вернуться в Серебровку. Но тянула его сюда не только ностальгия по молодости. Была у него в далеком прошлом девушка, которую он пытался, но так и не смог забыть. Девушка, сравниться с которой не могла ни одна женщина из тех, что время от времени ненадолго задерживались в его жизни...

* * *

В дверь постучали.

– Да, да! – отозвался лейтенант Панфилов.

В кабинет неуверенно вошел мужчина лет сорока. Робкий заискивающий взгляд, мятый дешевый костюм-двойка из сельпо, в руках свернутая в трубочку кепка. Щека разодрана, правая верхняя бровь закрыта пластырем.

– Присаживайтесь, – Марк показал на стул.

– Да я постою, – угодливо улыбнулся тот.

– Ну, постоит, Евгений Андреевич, постоит, – усмехнулся Панфилов. – Еще успеете насидеться.

– Успею насидеться? – побледнел мужчина. – А что я такого сделал?

– Истребление и повреждение колхозной техники.

– Неправда.

– Давайте разбираться. В своей объяснительной вы пишете, что двенадцатого числа сего месяца возвращались с элеватора на закрепленной за вами машине. Не справились с управлением, в результате чего автомобиль марки «ГАЗ-51» сначала сошел с дороги, а затем упал с обрыва...

– Почему не справился? – беззубо возмущился проштрафившийся шофер. – Руль у меня заклинило, не смог машину выровнять. Пришлось на ходу выскакивать, чтобы не разбиться...

– Все равно ведь разбились? – Марк взглядом показал на его разодранную щеку.

– Ну так не насмерть же... Но коленку сильно расшиб. С земли подняться не мог...

– Но в больнице вас на ноги поставили.

– Да, спасибо Артему Кузьмичу, подобрал с дороги, в больницу свез...

– Итак, вы из машины выпрыгнули, а она в обрыв упала, загорелась и взорвалась.

– Да, загорелась, – кивнул Евгений Андреевич.

– А вы на ходу выпрыгнули?

– Да.

– Темно было. Сразу и не понять, где обрыв.

– Темно.

– Страшно поди было, когда выпрыгивали?

– Страшновато.

– А ключи у вас с брелоком.

– Да, футбольный мяч пластмассовый, дочка подарила...

– Пластмассовый. А в кабине жарко было, когда машина горела.

– Понятно дело, что жарко. Все выгорело.

– А мячик чудом сохранился. И ключики даже не закоптились...

Марк вытащил из ящика стола связку ключей от сгоревшей машины с брелоком в форме футбольного мяча.

– Как же так, Евгений Андреевич. Темно было, обрыв совсем рядом, страшно, а вы, прежде чем из машины выпрыгнуть, заглушили ее. Вытащили ключ из замка зажигания и заглушили...

– Ну а что здесь такого? – испуганно вжав голову в плечи, пробормотал бедолага-водитель. – Я же пытался ее остановить... Тормоза не работали...

– Как это тормоза не работали? Насколько я знаю, с тормозами все в порядке было.

Руль у вас заклинило...

– Да, руль...

– А с тормозами все в порядке. Но вы ими не воспользовались...

– Поздно уже было.

– Поздно, – кивнул Марк. – Тормозить вы потом начали, когда машина уже упала...

– Когда это потом?

– А я сейчас объясню... Не успели вы на ходу ключи вытащить. Вы это потом сделали. Когда к разбитой машине спустились. А знаете, зачем вам ключи понадобились? Чтобы замок с бензобака снять. Бензобак у вас на замке был, правда же? Чтобы тимуровцы всякие бензин не пионерили, правильно?.. А в баке бензина много было. Вот вы ключом и открыли бензобак. Бензин в ведро слили, облили кабину, подожгли... А прежде чем поджигать машину, ключи надо было в замок зажигания вернуть. А вы не догадались, Евгений Андреевич. Тормознули, так сказать... Зачем машину спалил? Пособник империализма! На ЦРУ работаешь? – Марк грозно хлопнул кулаком по столу.

– Нет... Не работаю... – подавленно пробормотал мужик.

– Врешь!

– Нет, не вру. Не работаю на ЦРУ...

– Тогда машину зачем спалил? – успокаиваясь, более мягко спросил Панфилов. – Говори, а то ведь в КГБ придется сообщить. Там тебе живо шпионаж припаяют.

– Не надо в КГБ... – Казалось, водитель вот-вот расплчется, настолько у него был жалкий вид. – Машина у меня совсем старая, еще пятидесятого года выпуска. Кабина наполовину деревянная, крыша дерматиновая. Такие с пятьдесят первого не выпускают, на таких давно уже никто не ездит. Да и я разве ж ездил? День едешь, неделю на ремонте стоишь. Не водителем, слесарем работал. Но я же не слесарь, у меня же за часы наезда начет идет. А нет начетов, одни убытки. Бывало, десять рублей в месяц зарабатывал. Другие по сто-двести приносят, а у меня – курам на смех. А ведь ночами, бывало, работал, чтобы эту рухлядь на колеса поставить... Мне новую машину обещали. Десять лет обещают, да все мимо проходят. А тут новые машины пришли, «пятьдесят третьи». А Пархоменко снова мимо меня смотрит. Чую, снова обойдут... А тут такая оказия... У машины правда руль заклинил. Я правда из кабины на ходу выпрыгивал... Спустился вниз, смотрю, а она не сильно разбилась. То есть сильно, но починить можно. Я же Пархоменко знаю, он меня чинить заставит, а это месяца на два, а то и на три. Снова без зарплаты сидеть... Ну я в сердцах-то и плеснул бензинчиком... А-а, что хотите, то и делайте, товарищ лейтенант. В лагерь исправительный отправите, так там больше зарабатывают, чем я здесь...

– Ты мне, Курманов, зубы не заговаривай. Куда надо, туда тебя и отправят... Домой иди, поздно уже. Завтра с утра с вещами придешь. В район тебя отвезу. Там пусть решают, что с тобой делать. И не вздумай сбежать!..

Марк отвел вредителя домой, а сам отправился к завгару колхоза. Иван Петрович Пархоменко внимательно выслушал его, немного подумал для приличия, а затем сознался, что действительно держал Курманова в черном теле. Дескать, мужик работающий, к машине своей старой с большой любовью относился, вот на нем и ездили. Сам автомобиль простаивал из-за частых поломок, а на мужике ездили. Знакомая для каждого русского человека ситуация – кто везет, того и погоняют.

– Новую машину ему дали, – сказал завгар. – А рухлядь его давно уже списать надо было.

– Да, но его в тюрьму сажать надо, за умышленное истребление колхозной техники...

– Сажать? – с пеной у рта возмутился Иван Петрович. – А работать кто будет?

Вид у него был настолько вызывающий, что Марк не смог удержаться от дерзкого выпала в его сторону:

– Курманов работать будет. А посадят вас!

– За что? – опешил завгар.

– За скотское отношение к подчиненным!

Он ушел, оставив мужика с раскрытым от изумления ртом.

А утром к нему в комнату ворвалась взволнованная Егоровна, хозяйка дома, в котором он жил.

– Что ж ты, мил человек, творишь? – по-старчески всплеснула она руками. – Человека в неволю спраживаешь. За что, спрашивается!

Марк оправдываться не стал. Мягко выдворил Егоровну из комнаты, оделся, вышел во двор, где и увидел бедного Курманова с опущенной головой. Старое спортивное трико, латаное-перелатанное, холщовый сидор за плечом, простецкая кепка на голове. В тюрьму собрался, бедолага.

– Не пушу!

Курманов был не один. Из-за его спины выскочила здоровенная женщина с круглым лицом и толстыми щеками – настолько толстыми, что во впадине между ними терялся маленький наперсточный нос.

– Не пушу! – закрывая мужа широко разведенными руками, повторила она.

Но Марк на нее уже и не смотрел. Все его внимание было приковано к юной девушке, если не сказать, к девочке, которая стояла позади своего отца, чуть в сторонке, так, что была вся на виду.

Ожившая Аленушка с картины Васнецова. Такое же минорное настроение, трогательная нежность и романтическая печаль в глазах, простонародный наряд – скромное ситцевое платье, коса. Но эта Аленушка была во сто крат красивей, чем та, хрестоматийная. И волосы у нее светло-русые, с едва уловимой рыжинкой; не распущенные, а заплетенные в тугую косу. Глаза, как два живительных родника с глубокой хрустально-чистой водой. Она смотрела на Марка, и он чувствовал, как немеют его ноги и отнимается язык.

– Слышишь, ирод, не пуцу его в тюрьму! – снова возопила женщина.

Панфилов словно очнулся от забытья.

– Кто ирод? – возмущенно вкинул он брови. – Я, между прочим, при исполнении!

– А-а! – обрадовалась заступница. – Давай и меня тогда в тюрьму! Вместе с мужем поеду!.. И дочку нашу забирай!

Она протянула руку к прекрасной незнакомке, призывая ее к себе. Та подошла, встала под материнское крыло. Молча смотрит на Марка. С интересом и осуждением одновременно.

– Куда забирай? Никто никуда не поедет!

– А я сказала, мы вместе с мужем поедем!

– Езжайте. Садитесь на его новую машину и езжайте куда хотите. Хоть в тюрьму, хоть к черту на кулички! А я его никуда не повезу.

– Почему? – успокаиваясь, утешенно спросила женщина.

– Потому что разобрался во всем. Старая машина сгорела, списанная, материальной ценности не представляющая... А вас, Евгений Андреевич, в гараже ждут, работать надо, на новой машине.

– А-а, работать, – обрадовался Курманов. – Спасибо вам большое, товарищ лейтенант!.. Ну, я пошел?..

– Идите, идите.

Оправданный водитель ушел и увел с собой все свое семейство. Марк заворуженно смотрел вслед уходящей девушке. Юная совсем, лицо еще совсем по-детски нежное и непосредственное, но какая фигурка! Тонкая талия, широковатые бедра, ноги длинные, а выпуклости сзади такие, что греховные мысли заскреблись в голове, как майские жуки в банке...

– Что, на девку засмотрелся? – подначила его Егоровна.

– Нет, – чувствуя, что краснеет, мотнул головой Панфилов.

– Ну что нет, если да... Смотри, девка восьмой класс только-только закончила. Совсем еще молодка. А ты вон уже какой лоб здоровый!.. Смотри, не нагреси, а то ведь посадят. Как там у вас называется, за развращение малолетних, правильно я говорю?

– За совращение. И растление... Но это не ко мне. У меня и в мыслях нет...

Врал Марк. В мыслях бушевал самый настоящий ураган. Слышал он про любовь с первого взгляда, но не думал, что это может произойти с ним. А произошло. Он уже точно знал, что влюбился в свою Аленушку – безоглядно и безвозвратно.

– Ой, не надо, парень, я старая уже, вас, мужиков, насквозь вижу, – подзадорила его Егоровна. – Стрела тебе в сердце попала.

– Какая стрела? – не сразу сообразил Марк.

– Амурная... И ничего страшного в том, что ей пятнадцать только исполнилось. Раньше на Руси девки в двенадцать лет уже замуж выходили, детей рожали... Главное, не согреси прежде времени. Парень ты видный, года через три дом свой поставишь, будет куда жену молодую привести. Подрастет Настя, женишься на ней...

– Настя? Какая Настя?

- А та, на которой глаза твои бесстыжие застряли! Настя ее зовут.
- Настя... А я думал, Аленушка... Но Настя еще лучше... Пойду я.
- На службу?
- Ага. На дом зарабатывать.

Правду говорила Егоровна. По современным законам Настя – несовершеннолетняя. Но ведь совсем не обязательно жить с ней во грехе. Он рад будет дружить с ней платонически. Дождется, когда она повзрослеет, а потом уже и женится на ней.

Глава третья

Бревенчатый дом, обитый вагонкой. Свежевыкрашенные в зеленый цвет стены, желтые резные наличники, крытая железом крыша. Внутри добротные полы, чистенькие обои на стенах, деревенского колорита мебель, железная кровать с пружинной сеткой, перина чуть ли не в метр толщиной, русская печь, запах березовых дров и парного молока. Именно в таком доме и мечтал пожить Марк Илларионович. Чтобы чистота была, порядок, но чтобы русский дух чувствовался. Во дворе никакого хлама, разве что на штакетилах забора развешены битые старые кувшины – скорее для антуража, нежели из практических соображений. Мягкая травка-муравка под ногами, к баньке под уклон ведет посыпанная гравием тропинка. А банька на самом берегу озера... Красота.

Дачный сезон только-только начинался, подготовленные к сдаче дома в большинстве своем еще пустовали, поэтому Панфилову не трудно было снять именно такой дом, который требовала его душа.

Чего требовала душа, то и получила. Марк Илларионович был в восторге от дома. Но... восторг был большим и объемным, как воздушный шар, но таким же пустым. И тупиковым... Он знал, что рано или поздно этот дом со всем его фольклором ему надоест. И скорее всего, это случится рано.

Вечером Панфилов напарился в деревенской баньке, на пару с Юрой попил старого доброго «Жигулевского» из сельпо, а ночью спал без задних ног, утопая в мягкой перине. Проснулся рано утром, сбегал к озеру, взбодрился в холодной воде.

На службу Марк Илларионович собирался в прекрасном расположении духа, с желанием поработать. Опорный пункт недалеко, чуть больше километра, и это расстояние он собирался пройти пешком, но возле дома его уже поджидала новая четырехдверная «Нива». Прапорщик Левшин за рулем, его напарник Захарский сзади. «Командирское» место спереди справа для начальника. Но Марк Илларионович махнул рукой, отказываясь от машины.

Он шел пешком, но его помощники следовали за ним по пятам на первой скорости.

Новый опорный пункт находился у развилки двух дорог на Старую и Новую Серебровку. Вторая дорога была совсем короткой, метров пятьдесят, не больше, и упиралась в красно-белый шлагбаум контрольно-пропускного пункта, на который замыкалась высокая дощатая ограда.

Шлагбаум был поднят, из элитного поселка выехал черный «Гелендваген». Панфилов не стал бы заострять внимание на джипе, если бы он не свернул с дороги, уходящей вверх по склону в сторону райцентра и далее до Москвы. Машина подъехала к опорному пункту как раз в тот момент, когда он сам подошел к нему.

Остановился джип, остановился и Марк Илларионович.

Из машины вышел мужчина лет сорока. Грузный, мордастый, в дорогом, но не совсем новом костюме от престижной «Зеньи». Ухоженность лица карикатурно сочеталась с растрепанными волосами и синюшными мешками под глазами.

Панфилов нахмурил брови. Он узнал мужчину. Этот человек был выходцем из его давнего прошлого, но воспоминания о нем не доставляли ему никакого удовольствия.

– А-а, Панфилов! – злорадно осклабился Антон Грецкий. – Уже капитан! Поздравляю! В его словах противным скрежетом звучала издевка. Но Марк Илларионович умел держать удар. Его лицо выражало безмятежное спокойствие.

– А ты, значит, уже в новом поселке живешь? – невозмутимо спросил он.

– Ага, кто-то в перьях, а кто-то в шелках...

– И как, перья не жмут?

– Да нет, это ты в перьях... Чудо в перьях...

– Я ведь и привлечь могу. За оскорбление.

– Чего?! – возмущенно вскинулся Антон. – Ты?! Меня?! Привлечь?! Да кто ты такой?

Он если и не был сейчас пьян, то пребывал в состоянии глубокого похмелья. Но это не могло служить ему оправданием. Как раз напротив, усугубляло вину.

– Старший участковый капитан Панфилов.

– Ух ты! Ста-арший участко-овый! – оскалился Грецкий. – Да я весь дрожу со страха.

– С похмелья ты дрожишь... А ты, вижу, куда-то собрался...

Панфилов глянул на «Ниву», стоявшую неподалеку. Стоит ему только подать сигнал, как Левшин и Захарский выпрыгнут из этого «ларца» – оба с дубинкам и одинаковы с лица.

– В Москву собрался! – самодовольно ощерился Грецкий. – Фирма у меня там, солидная... Я и сам человек солидный. А ты как был ментом, так и остался...

– Был ментом. И сейчас – мент. Хороший для хороших, плохой для плохих... – Панфилов протянул руку ладонью вверх. Грозно потребовал: – Ключи и документы на машину!

Антон ухмыльнулся и сделал движение, будто собирался плюнуть в раскрытую руку. Но не плюнул.

– Может, тебе еще и ключи от ячейки в депозитарии?

– Ключи и документы на машину.

– Хрен тебе... Ты посмотри на себя и посмотри на меня! Кто ты, а кто я!

– Хулиганствующий ты элемент, Грецкий. Пятнадцать суток по тебе плачут.

– А за угрозы и оскорбления можно и ответить!.. Я на тебя в суд подам... Не-ет! Я твой опорный пункт к черту разнесу! – разошелся в похмельном угаре Антон.

– Тогда точно сядешь.

– Не-а! Не угадал!.. Я, если хочешь знать, свои кровные в этот пункт вложил! На мои деньги его строили! И машины я закупил. И штаты расширил!..

– Ты? – изобразил удивление Панфилов.

– Да, я! – брызгал спесью Грецкий.

– Поверить не могу.

– А придется!

– Может, ты и меня из Москвы выписал?

– Может, и я! Своим цепным псом хочу тебя сделать!

– Ух ты!

– И сделаю! Мой дом будешь охранять!.. Я сейчас твоему начальству позвоню, скажу, как ты с гражданами обращаешься!.. Звонить, а?

Марк Илларионович лишь усмехнулся. Грецкий был уверен, что чуть ли не до смерти его напугал, думал, что пощады он запросит. Но не дожидаться ему этого.

– Позвонишь, – кивнул Панфилов. – Право на один звонок у тебя будет. Закрою тебя, а потом в суд, чтобы пятнадцать суток тебе впаяли.

– Не за что! Да и кишка тонка! Облажаешься, Панфилов!..

– Посмотрим! Ключи и документы на машину! – снова потребовал капитан.

– А хрен тебе!

– А говоришь, задержать тебя не могу. Могу. За неподчинение законным требованиям сотрудника милиции.

– Ну, ну, давай попробуй! Посмотрим, что из этого выйдет!

Грецкий хамски нарывался на грубость. И он ее получил. Панфилов махнул рукой, призывая к себе Левшина и Захарского. Те не заставили себя долго ждать. Получили указание, ловко скрутили Грецкого и закрыли в камере опорного пункта.

Давняя история повторялась. Правда, фабула сейчас другая, вовсе не такая злостная, как тогда, много-много лет назад.

* * *

Марк часто бывал на сельской дискотеке. В основном по долгу службы. В сопровождении двух добровольных помощников из народной дружины следил за порядком – чтобы драк не было, чтобы самогон не жрали, чтобы девушки от грубых деревенских злыдней не страдали... Целый год он прослужил в должности участкового, но только сегодня на дискотеку пожаловала Настя.

Вчера он увидел ее впервые, а сегодня она с более взрослой подружкой пришла на дискотеку. Платье получше, понарядней, туфли поновей, коса распущена, брови подведены карандашом, губы накрашены. Красивая, волнующая.

Парни засматривались на нее, смельчаки пытались пригласить ее на медленный танец, но получали от ворот поворот. И всякий раз, когда от нее отходил отвергнутый кавалер, она поднимала глаза на Марка. Как будто говорила, что никто ей здесь не интересен, за исключением одного человека. Ему бы она в танце не отказала. Но ему не хватало духу пригласить ее. От волнения кружилась голова, в ногах тяжелый свинец. К тому же он был при исполнении. Пусть и не в форме, но все равно на виду, во главе наряда дружинников.

Так и не дождалась его Настя. И когда доморощенный диск-жокей объявил последний танец, вместе с подругой направилась домой. В дверях обернулась, бросив на Марка прощальный взгляд. Как будто навсегда уходила...

Может, и не набрался бы он решимости пойти за ней, если б не знал о небольшом и темном участке липового сквера, через который пролегал путь из клуба к главной сельской площади. А он видел, как вокруг Насти кружили задиристые хлопцы, как жадно смотрели на нее. Как бы не подждал ее кто на выходе...

Предчувствия его не обманули. Именно в сквере и поджидала ее опасность. Скверных молодцев было трое. Двое тащили в кусты Настю, а один держал за руки ее подругу. Марк тоже был не один, за ним следовали дружинники, но про них он уже не думал – настолько был взбешен.

Он спешил со всех ног, но все же подонки успели повалить Настю на траву, задрать ей платье. Она кричала, сопротивлялась, но это лишь раззадоривало насильников. И они бы сделали свое грязное дело, если бы не Марк.

Одного мерзавца он ударил в челюсть, второго швырнул через бедро, локтем, на добивание, расквасив ему нос. Третий не стал дожидаться своей порции, бросил девушку и задал деру. И парень с выбитой челюстью вовремя сообразил, что нужно спасаться бегством. Поэтому в руках у Марка остался только один негодяй. Он скрутил его, надел на него наручники, велел дружинникам доставить его в камеру опорного пункта.

Сам же он занялся Настей. Девушка была в шоке, из ее глаз катились слезы. Она казалась такой хрупкой и беспомощной, что Марк едва сдерживал себя, чтобы не броситься вслед за ее обидчиком. Сбить бы его с ног, да взрезать еще раз по морде, чтобы неповадно было.

– Успокойся, все хорошо, – сказал он, прикоснувшись к ее руке с такой нежностью, будто она была сотворена из тончайшего стекла, которое могло треснуть от тепла его ладони.

– Да, спасибо вам, – поблагодарила его девушка и закусил губу, чтобы не расплакаться.

– Пошли, я вас домой провожу.

Он обращался к обеим девушкам, но смотрел только на Настю. Ее подруга его совершенно не интересовала, хотя, стоило признать, дурнушкой она не была. Симпатичная шатеночка с живым продувным взглядом. Да и видел он ее на дискотеках не однажды. И даже знал, как ее зовут. То ли Нина, то ли Нонна.

– О! Это мне нравится!

Настя бы не додумалась до того, чтобы самой взять Марка под руку. Зато ее подруга догадалась провести свою ручку под его правый локоть. И при этом оставила его в долгу перед собой, ведь ее примеру последовала и Настя – взяла его под левую руку.

– А наши девушки на вас жалуются, товарищ лейтенант, – бойко затараторила Нонна. – Такой видный молодой человек, офицер, а ни с кем не дружите. На дискотеке как истукан стоите, хоть бы кого на танец пригласили.

– Нельзя, когда при исполнении.

– А сейчас вы тоже при исполнении?

– В общем-то, да.

– И приставать к вам нельзя? – На несколько мгновений Нонна-Нина тесно прижалась к нему бедром.

Дала понять, что согласна на многое.

– Нельзя.

– А когда можно?

Марк не сдержал вздох облегчения, когда Нонна, а именно так ее и звали, скрылась за калиткой своего дома. Сделала она это неохотно, так как была не прочь прогуляться с ним под луной. Уходя, завистливо глянула на Настю. Похоже, она поняла, какие чувства питает к ней Марк.

Настя жила недалеко, на той же улице, в небольшом бревенчатом домике с ржавой дранкой на крыше. Марк проводил ее до самой калитки. Остановившись, непроизвольно взял ее за руку. Но, похоже, Настя и так не спешила уходить.

– А что с ним будет? – спросила она.

– С кем с ним? – в смятении чувств не сразу сообразил он.

– Ну, с Антоном. Вы его в милицию забрали. Что с ним будет?

– Ты его знаешь?

– Ну, конечно. Школа у нас одна, все друг друга знают. Он сейчас в городе учится, в техникуме. Я как раз туда поступать собиралась...

– Почему собиралась?

– Ну вы же видели, как он со мной... Он же теперь мне проходу там не даст.

– Ему теперь самому проходу не дадут. Сначала в тюрьме, затем в колонии для несовершеннолетних.

– В тюрьме?!

– А ты как думала? Покушение на изнасилование – статья серьезная... Это я отца твоего мог понять. Он от отчаяния машину свою сжег, пользы от нее потому что не было. А здесь другое. Он... Ну, ты сама должна понимать, что он хотел с тобой сделать...

– Понимаю, – опустив глаза, сконфуженно кивнула Настя. – Спасибо вам, что защитили...

– Себе спасибо скажи. Не пошел бы я за тобой, если бы... – Марк осекся, немного помолчал, собираясь с духом, наконец выложил: – Нравишься ты мне очень, потому и пошел за тобой.

– А Нонна? – не поднимая глаз, спросила Настя.

– При чем здесь Нонна?

– Она красивая.

– Извини, не заметил...

– А я?

– Ты самая лучшая...

Марк лихорадочно рылся в памяти, пытаясь отыскать какой-нибудь яркий комплимент. Но в это время из дома вышла мать Насти, стремительным шагом пересекла двор, подошла к калитке.

– И кто это у нас там такой? – спросила она, вглядываясь в темноту.

– Лейтенант Панфилов, – отчеканил Марк. – Дочку вам привел.

– Случилось что? – спросила женщина.

– Почти. Настя вам все расскажет. А я пошел... Жду вас к себе с утра.

На прощание он легонько и нежно пожал Насте руку. Она застенчиво и мило улыбнулась, пряча глаза. Повернулась к нему спиной, решительно скрылась за широкой спиной матери.

Марк отправился в опорный пункт, выдернул задержанного из камеры, пинком загнал к себе в кабинет.

– Не имеете права! – огрызнулся парень.

Взъерошенные волосы, узкий лоб при широкой физиономии, маленькие пакостные глазенки, щеки как у хомяка, рыхлый скошенный подбородок. Нос распух после удара, посинел, лицо в кровавых разводах. Юшкой парень умылся, а еще хорохорится.

– О каких правах ты говоришь, мразь подзаборная? – взъярился Марк. – Ты на кого лапу свою поднял, погань?..

– А что я сделал?

– Если бы ты сделал, я бы сейчас разговаривал с твоим трупом. А так всего лишь покушение на изнасилование. Свидетели есть, показания потерпевшей будут. Так что вместо армии отправишься в тюрьму на два-три года... Фамилия, имя, отчество! – резко потребовал Марк, для убедительности хлопнув ладонью по столу.

– Грецкий... Антон... Вадимович...

– Я про дружков твоих спрашиваю. С тобой все ясно, а с ними – нет! Где они живут?

Грецкий не стал изображать из себя Зою Космодемьянскую, назвал своих дружков, показал их адреса.

В ту же ночь Марк наведился ко всем охальникам, задерживать их не стал, но обязал утром явиться в участок с вещами.

Но раньше всех к нему пожаловала Настина мать, Екатерина Михайловна.

– Скажи, товарищ лейтенант, тебе дочка моя нравится? – чуть ли не с порога спросила она.

– С чего вы взяли? – опешил Марк.

– Нонна сказала... Да и Егоровна твоя говорила...

– Ну, если Егоровна, – пытаясь взять себя в руки, принужденно улыбнулся он.

– И Нонна говорила... А я с ней говорила... Она сказала, что никому ничего не скажет...

И родители к нам приходили. Сказали, что рот на замке держать будут...

– Чьи родители? – не понял Марк.

– Ну чьи, чьи – Антона Грецкого, Ивана Бычкова, Витьки Живородова... Переполох ты поднял, лейтенант. Но все уладить можно, чтобы тихо все было, чтобы никто ничего не знал...

– Что уладить?

– Да то и уладить, что никого сажать не надо. Не было ничего.

– Как это не было, если было!

– Дурак ты, товарищ лейтенант, или притворяешься? – нахраписто спросила женщина. – Зачем Насте дурная слава, скажи мне! Хочешь, чтобы ей пальцем в спину тыкали?

– Нет, – растерянно покачал головой Панфилов.

– Тогда зачем в колокола бить?

– Преступник должен понести наказание... Но, в принципе, вы правы... Я так понимаю, заявление Настя писать не будет.

– Не будет, – кивнула женщина. – И Нонна ничего не видела...

– Ясно.

– А Грецкого выпускать надо.
– Что-то я не понял, – нахмурился Марк. – Вы сейчас за кого хлопчете, за Настю или за Грецкого?

– И за Настю, и за него...

– Этот подонок дочь вашу пытался изнасиловать.

– Ну почему сразу насиловать? – возмущенно вытянула губы Екатерина Михайловна. – Поговорить он с ней просто хотел...

– После таких разговоров обычно дети рождаются, – саркастически усмехнулся он.

– И дети будут, со временем. Мы с отцом детям всегда рады. Если от законного мужа...

– Какой законный муж?

– Не будет же Настя век в девках сидеть. Замуж рано или поздно выйдет.

– Разумеется... Но не за Грецкого же?

– Почему не за него? Он парень видный, родители у него хорошие... А ты чего, лейтенант, побледнел? – с нахальной хитрецей во взгляде улыбнулась женщина. – Все-таки нравится тебе Настя...

– При чем здесь это? – смутился Марк.

– И ты парень видный... Но милиционер...

– А что здесь такого?

– Опасная работа. Убить могут... Жену вдовой оставить можешь...

– Это вы о чем?

– Да о том... Оставил бы ты Настю в покое, добром прошу!

Просила она добром, но вопрос был поставлен резко. Марк нервно закусил губу, глядя вслед уходящей женщине.

А спустя четверть часа к нему пожаловали родители Антона Грецкого.

Отец маленький, худенький, в плохеньком пиджачке, но на машине, да на какой. Новенькая «Лада» «девятой» модели, мечта любого советского мужчины. Мать – крупная дородная женщина с высокой прической и нелепой гирляндой бус на красной от волнения шее. Она явно изображала из себя городскую фифу, но ее манера одеваться выдавала в ней глупую мадам деревенского пошиба. Цветастый крепдешинный сарафан, туфли сорок третьего размера на высоком толстом каблуке, пухлые пальцы рук сплошь в золотых перстнях и кольцах. В довершение картины – огромные и старомодные солнцезащитные очки.

Женщина пыталась нести голову высоко и гордо, но из этого ничего не выходило, поскольку на каблуках она ходить не умела, спотыкалась на каждом шагу. Чтобы сохранить равновесие и не упасть, ей приходилось смотреть под ноги, отводить в стороны руки. Она была похожа на заносчивую элитно-породистую корову, по собственной глупости угодившую на скользкий лед.

Марк наблюдал за ней со ступенек клубного крыльца. Не только интуиция подсказывала ему, что эта женщина приехала за своим непутевым сыном. На это указывал и холодный расчет. Екатерина Михайловна говорила, что родители у Антона Грецкого хорошие. А как они могут быть плохими, если у них такая машина и столько золота?..

Женщина подошла к нему, покачнувшись, восстанавливая равновесие. Грозно нахмурила брови.

– Вы – лейтенант Панфилов?

Как же несуразна она была в своем абсурдном гневе!

– Допустим, – с трудом сдерживая напояющую на губы усмешку, отозвался Марк.

– Агата Никаноровна Грецкая! – представилась она с таким видом, как будто была, по меньшей мере, секретарем ЦК КПСС.

– Сына приехали сопровождать? – спросил он.

– Сопровождать?! – недоуменно воскликнула она. – Куда сопровождать?

– Ну не в загс же... В районный отдел внутренних дел. Сажать вашего сына будем.

– Вы не посмеете!

Она так взмахнула рукой, что с указательного пальца едва не слетел перстень с рубиновым камнем.

– Мой сын ничего противоправного не совершал! Вы не имеете права держать его за решеткой! Я буду жаловаться!

Марк отчаянно махнул рукой. Зря он показал зубы. Надо было сразу, без разговоров отпустить Грецкого. Может, еще не поздно унять пыл этой дебелий тетки?..

– Жаловаться она будет, – хмыкнул он, поворачиваясь к ней спиной. – Лучше бы сына воспитывала...

Агата Никаноровна набрала в легкие воздуха, чтобы во всей полноте выразить свое возмущение, но Марк закрыл за собой дверь, чтобы ее тирада не прошла ударной волной по его нервам.

Он открыл дверь в камеру, срывая на Грецком досаду, схватил его за шкирку, как щенка вытащил в коридор, толкнул к дверям.

– Запомни, недоносок, ты у меня на особом счету! – сказал он на прощание.

Антон не уходил от него, а убежал – как нашкодивший пес, поджав хвост. Но не прошло и часа, как он снова предстал перед Марком, и в ином настроении. На этот раз он держался гоголем.

– Зачем пришел? – удивленно глянул на него Панфилов.

– За извинениями, – нахально ответил Грецкий. – Ты, лейтенант, арестовал меня незаконно, ночь в КПЗ продержал...

Нетрудно было догадаться, кто сподобил его на такие суждения. Мамаша родная постаралась. Мрачный, как снеговая туча, Марк медленно поднялся со своего стула, грозно сверкнул глазами, в ураганном порыве резко шагнул к дверям. Грецкий не выдержал психологического натиска, испуганно подался назад.

– А ну пошел отсюда, выродок!

Антон как ветром сдуло. Но Марк не чувствовал себя победителем. На душе остался неприятный осадок.

Глава четвертая

Комфортабельностью в новом опорном пункте отличались все номера, в том числе и для незваных гостей. На втором этаже номера общежития, а на первом – камера для задержанных.

Стены в огнеупорном пластике, водостойкий ламинат на полу, зарешеченное окно закрыто бытовыми жалюзи, кушетка из мягкого кожзама, унитаз с исправной системой слива, умывальник, хорошая вентиляция, радиоточка. Никакого сравнения с тем закутком без окон в старом опорном пункте. Но и там побывал Грецкий, и здесь до сих пор находится.

Марк Илларионович понимал, что перегнул палку с его задержанием, но угрызения совести его не мучили. Лишь к третьему часу пополудни созрел он для того, чтобы освободить грубияна. Зашел к нему в камеру, а там сонное царство. Сморило похмельного Антона после нехитрого обеда за казенный счет. Спит без задних ног, храпит в обе ноздри.

– Зона, подъем! – гаркнул Панфилов.

Грецкий сначала вскочил на ноги, а затем только сообразил, что произошло.

– Хватит дрыхнуть, баклан! С вещами на выход. Документы, деньги, ключи получишь у дежурного.

– Ты хоть понимаешь, мент, что я этого так просто не оставлю! Пора положить конец ментовскому беспределу!

– Бойко говоришь, масштабно, – усмехнулся Марк Илларионович. – Почему ты еще не депутат?

– Всему свое время!.. А ты мне за все ответишь!

– Я тебе, может, жизнь спас. Разбился бы спьяну к чертовой матери. Знаешь, как это бывает...

– Тебе лучше это знать, – криво усмехнулся Грецкий.

– Знаю... Чудом тогда выжил...

– Ничего, я тебя похороню. Морально. Вышвырнут тебя с работы, вот увидишь... Я за все с тебя спрошу! И за Настю! И за то, что в каталажке меня всю ночь держал!

Панфилов стал мрачнее черного могильного холма. И так посмотрел на Грецкого, что с того мигом слетела вся его дешевая спесь.

– О Насте ни слова!

Он не хотел говорить о святом с этим дурным человеком.

* * *

Марку приходилось целоваться с девушками, но до него туго доходило, в чем прелесть этого священнодействия. Ну мило, ну приятно, ну неплохо как прелюдия перед более важным этапом в любовном пассаже. Он посмеивался над теми влюбленными, что не стеснялись целоваться прямо на улице, на виду у всех. Считал, что это дешевая рисовка, способ выделиться из толпы, не более того.

Но сейчас его мнение изменилось в корне. Он готов был целоваться с Настей дни и ночи напролет – хоть на людях, хоть втайне от всех. Целовалась она неумело, но сколько упоительной сладости в ее устах, сколько волнующей неги... Это было какое-то волшебство, чудо, которое хотелось растянуть до бесконечности...

– Я не хочу, чтобы ты уезжала, – сказал он, с трудом оторвавшись от ее губ, сочных и припухших от долгих поцелуев.

– А как же мне дальше учиться? – с милой укоризной глянула на него Настя. – У нас же только восьмилетка... Да и профессию получать надо. На бухгалтера учиться буду. Разве ж это плохо?

Она собиралась поступать в тот самый агротехнический техникум, в котором уже учился Антон Грецкий.

– Учиться всегда хорошо. Вопрос – с кем.

– С кем?

– А то ты не знаешь?

– Марк, ну как ты можешь! – возмутилась Настя. – Мне этот придурок и даром не нужен! Я в его сторону даже смотреть не стану... Да и он меня боится. То есть тебя...

– Боится не боится, а в город его отец возит. И на выходные привозит.

– И что?

– Ты с ними ездить будешь. И в одном общежитии с ним жить будешь.

Марк уже знал, что Курмановы стали вдруг дружить семьями с Грецкими. Настя Антона на дух не переносила, но их матери души друг в друге не чаяли.

– Ну и что?

– Как будто я не знаю, что вас женить хотят.

– Хотят, – не стала отрицать Настя. – Но это глупо. Сейчас не домострой, и я вовсе не обязана идти у родителей на поводу. У них своя голова, у меня своя... Не хочу я замуж за Грецкого...

– А за меня?

– Не скажу, – весело улыбнулась она. – Сейчас не скажу. Но как только сделаешь мне предложение, так сразу и узнаешь, хочу я за тебя или нет.

– Тогда я делаю тебе предложение. Прошу твоей руки и сердца.

– Ой, как здорово! – просияла она.

И сама жадно прильнула к его губам. Поцелуй прозвучал как ответ «да».

Через два дня Настя уехала в город. И вернулась в село лишь после того, как поступила в техникум. Затем снова уехала, через какое-то время вернулась на побывку, чтобы вновь исчезнуть на будние дни.

Встречаться влюбленные могли только по выходным, и Марка это не устраивало. Он хотел видеть Настю каждый день, поэтому подал рапорт начальству о переводе его на службу в райцентр. Получил отказ, но не успокоился – подал новое прошение.

А однажды Настя не вернулась в село на выходные. Марк ждал ее на их излюбленном месте, у плакучей ивы, на берегу озера. Но вместо нее пришла Нонна, яркая, свежая и смачная, как наливное яблочко.

– Настю ждешь? – спросила она.

– Ну не тебя же...

– А чем я хуже? – Нонна обиженно надула сочные губки.

– Ничем. Но я Настю жду...

– Зря ждешь. Не будет ее сегодня.

– А когда будет?

– Для тебя никогда.

– Не понял.

– Да что тут непонятного. В городе она живет. Вместе с Антоном.

– Что?

– То! Родители ему квартиру в городе сняли. А Насте в общежитии не нравилось... В общем, она к нему переехала. Сначала просто с ним жила, ну а потом... Он же мужчина, а она женщина. Мужчина и женщина не могут долго жить под одной крышей без ничего...

– Ты в своем уме? – холодея, возмутился Марк.

– Я-то в своем... А она нет... Такого парня на какого-то придурка променяла... – кокетливо, с поволокой в шальных глазах посмотрела на него Нонна.

– Не могла она меня променять...

– Не веришь, не надо...

– Не верю... Сейчас поеду в город и все узнаю.

– Что ты узнаешь? Где ты ее там найдешь?

– Ты скажешь, по какому адресу Грецкий живет.

– Не скажу. Потому что не знаю...

– А кто знает?

– Родители его.

Марк мог дать голову на отсечение, что Агата Никаноровна если и назовет ему адрес, то лишь тот, на который обычно посылают в сердцах и по матушке...

– Да успокойся ты, – Нонна ласково провела рукой по его плечу. – Ничего страшного не произошло. Ну, согрешила девка. Главное, что она по-прежнему любит тебя. А с Грецким это так, занятие со скуки...

– Какое занятие? Что ты несешь! У нас и по любви никаких занятий не было!

– Что, правда? – удивилась Нонна.

– А что тут такого? Ей даже шестнадцати нет...

– Ну и что? Я тоже в первый раз в пятнадцать попробовала, с однокурсником из профтеху. Ему самому пятнадцать лет было. Ерунда, не понравилось...

– И зачем ты мне это говоришь?

– Ну, чтобы ты не строил иллюзий насчет возраста... Девушки решительных мужчин любят, напористых. А ты, извини, нюни с Настей пускал... Распалил девку, женщиной заставил себя почувствовать, а не опробовал... Зачесалось у нее, а тут Антон... Ну, она и попробовала. С кем не бывает...

– Заткнись?

– Тю! Зачем же так грубо?

– Ересь какую-то несешь.

– Ересь не ересь, а Настя в городе осталась, с Антоном!

– В техникуме должны знать, где он живет...

Марк повернулся к Нонне спиной, решительно зашагал в сторону правления. Время уже позднее, но с председателем колхоза можно связаться по телефону, сослаться на служебную необходимость и попросить машину до города.

– Да погоди ты! – на ходу взяла его под руку Нонна. – Никто тебе не скажет, где Антон живет... Да и зачем тебе унижаться? В понедельник поедешь, когда она на занятиях будет. Тогда и спросишь у нее... Если она соврет, то глаза все равно выдадут...

Но уговорить его Нонна не смогла. Остановила Марка только машина, вернее, ее отсутствие. Председательский «УАЗ» находился в ремонте, а грузовик Марку никто бы не дал.

Он не верил в то, что сказала ему Нонна. Невозможно было поверить в то, что Настя его предала. Но все же на душе было тошно. А дома в шкафу стояла бутылка водки, и ноги сами понесли Марка к ней. Нонна увязалась было за ним, но он отвадил ее.

Нонна ушла, но спустя какое-то время вернулась, незаметно для хозяйки прошмыгнула на его половину дома.

– Какого черта? – старательно фокусируя на ней взгляд, грубо спросил Марк.

Он выпивал в одиночку и без закуски, поэтому чересчур быстро и глубоко захмелел.

– Водку пьянствуешь?

– Не твое дело.

– А бутылка-то уже пустая.

– Значит, хватит...

– Это голова твоя так думает, а душа продолжения просит.

Увы, но устами Нонны глаголила сама пьяная истина.

– Много ты знаешь.

– Много, – кивнула она. – Хочешь, бутылку достану? Только самогон. Но очень хороший...

Она не стала слушать его возражения. Ушла, а через четверть часа вернулась с литровой бутылкой с чуть мутноватой жидкостью. И еще пирожков горячих принесла.

– Где взяла?

– Из дома. У отца особый рецепт очистки. Почти как водка...

Девушка не врала. Самогон действительно был хорош. Да еще и крепок. Он выпил одну стопку, вторую, зажевал пирожком.

Нонна составила ему компанию. Морщилась, плевалась, но пила. Со стороны могло показаться, что Марк принуждал ее к этому.

– Отец, значит, гонит? – уже едва ворочая языком, спросил он.

– Отец, – кивнула она.

– И аппарат у него есть?

– Есть.

– И зовут тебя Павлина.

– Почему Павлина?

– Потому что Морозова. Павлика Морозова знаешь? Так ты Павлина Морозова. Отца родного сдала... Ты как будто не знаешь, что самогонный аппарат – это статья.

– А-а, да, знаю... – Нонна испуганно захлопала глазами. – Но ты же не станешь сажать его в тюрьму.

– Не стану... Аппарат самогонный сажать не буду, а отца твоего... Может, и посажу...

– Не надо... Пожалуйста...

Неотрывно глядя на Марка, Нонна расстегнула одну пуговичку на блузке, вторую.

– Эй, ты что делаешь? – пьяно вытаращился на нее Панфилов.

– Не хочу, чтобы отец в тюрьму садился...

Она расстегнула и третью пуговичку, и четвертую.

– Лучше я лягу...

– Чего?

– С тобой лягу! Во искупление отцовских грехов...

– Я тебе сейчас лягу!.. Ты за кого меня держишь!

Он пытался остановить Нонну, но не смог. Да и в том состоянии, в котором он находился, не очень-то хотелось останавливать ее. Сначала она сняла блузку, затем все остальное...

Проснулся Марк ночью, от яркого света. Посреди комнаты стояла Настя и потрясенно смотрела на него. А он лежал в своей кровати, рядом, раскрывшись, спала полуголая Нонна...

– Вот ты какой! – с обличительным презрением воскликнула Настя.

И, повернувшись к нему спиной, бросилась вон из комнаты.

Марк наспех оделся, спотыкаясь, выскочил вслед за ней во двор, но ее и след простыл... Он схватился за голову, сел прямо на землю, качнулся из стороны в сторону, как китайский божок.

Голова чугунная, во рту смрадная засуха. Слишком много выпил он с вечера, слетел с болтов, потому и сдался Нонне на милость. И тут вдруг Настя, как внезапное и необъяснимое видение... А может, и не было ее. Может, померещилось ему спяну.

Марк поднялся, подошел к калитке. Закрыта. Если бы Настя убежала, она бы не догадалась ее закрыть... Значит, не было ее...

Проснулся он поздно утром. Нонны уже не было. В комнате порядок, на столе, вместо остатков вчерашнего пиршества, стеклянная банка с цветами. Привет от Нонны... Черт бы ее побрал!

Марк встал, потирая виски вышел во двор. Там и столкнулся с Егоровной. Она смотрела на него с осуждением.

– Что ж ты блудство развел, Марк Илларионович! С одной девкой гуляешь, с другой спишь...

– Не было ничего, – недовольно буркнул он.

Егоровна свечку ему не держала, значит, есть шанс отвертеться.

– Как же не было. Видела я, как *эта* утром от тебя уходила. Сияла вся, как телка после случки...

– Ну вы и сказали, Алевтина Егоровна!

– Что видела, то и сказала... И Настю видела...

– Настю? – встрепенулся он.

– Да. Ночью она приходила, под утро. Я ей калитку отворяла... Догадываюсь, что она увидела. Как ошпаренная от тебя выскочила.

– Вы ничего не путаете?

– Это ты путаешь, парень. Сам путаешь, сам и запутался... Э-эх, такую девку на какую-то выдру поменял...

– Никого я не менял...

Теперь Марк точно знал, что Настя ему не померещилась. Ему ничего не оставалось делать, как явиться к ней с повинной.

Но вместо Насти к нему вышла ее мать.

Екатерина Михайловна смотрела на него, как дикая пчела на медведя, повадившегося воровать ее мед. И язык у нее как жало:

– Что ж ты вытворяешь, морда твоя окаянная?

Такого ожесточения с ее стороны он не ожидал. Ладно, если бы извергом его назвала, а то – морда!

– Эй, эй, вы коней-то попридержите!

– Ты о своих конях думай, паршивец! Настю испаскудил, до Нонны добрался!..

– Не трогал я Настю!

– А это ты на суде скажешь!

– На каком суде?

– А на том самом... Настя из-за тебя отравилась!

– Что?!!

– Таблеток наглоталась. Из-за тебя, паскудника!

– Где она?

– В больнице! Отец повез...

Марк думал не долго. Снова, так же как вчера, пошел в правление колхоза. Но не дошел. На пути ему попался знатный бедокур Васька Выров. На мотоцикле. Пьяный в дымину. Удивительно, что вообще подчинился его требованию остановиться.

– Что ж ты, дурень, делаешь? Разбиться хочешь?

Он согнал Ваську с мотоцикла, сам занял его место.

– В участке пока постоит, – сказал он, срывая машину с места.

Разумеется, в клуб он не поехал. Отправился в город, без шлема, прав и документов на мотоцикл. И как ни оправдывайся, в состоянии алкогольного опьянения. Вчерашний хмель так и не выветрился из головы...

До города он не доехал. Сам не свой от переживаний, как собака злой на самого себя, в какой-то момент он потерял ориентацию в пространстве и не смог вписаться в поворот. Мотоцикл вылетел с дороги, остановить он его не смог, и на полном ходу врезался в дерево...

Очнулся он не скоро. Через пять недель, в палате интенсивной терапии московского института, после выхода из коматозного состояния... А еще через месяц он узнал, что Настя умерла в районной больнице. Отравление димедролом с летальным исходом. Она покончила жизнь самоубийством, по его вине...

Глава пятая

На место происшествия Панфилов прибыл уже после того, как за дело взялась оперативно-следственная бригада из города. Гражданка Максютлова не стала обращаться за помощью в поселковую милицию, сразу позвонила в РОВД, заявила об ограблении.

– Что ж так, не доверяете нам? – не скрывая своего недовольства, спросил Марк Илларионович.

Эта женщина оставила его в дураках. Равно как и районное начальство. Нет, чтобы поставить его в известность о событии до того, как бригада прибыла на место, так ему сообщили об ограблении только сейчас. И то в оскорбительно-предвзятом тоне. «Ну где этих участковых носит?»

– Что-что, простите? – вскинулась она.

И вперила в Панфилова уничижительный взгляд.

– Могли бы в участок позвонить... – с упреком сказал он.

– Я не поняла, вы чем-то недовольны? – презрительно скривилась Максютлова.

Отчего кожа на ее лбу стала похожа на гофрированный картон. Удивительно, но это ее не портит. Слишком хороша она была, чтобы ее могла испортить такая мелочь. Тем более что лоб наполовину был прикрыт изящной черной стрейч-лентой.

Ей было не больше двадцати пяти, в таком возрасте женщины мало заботятся о том, чтобы выглядеть моложе. Но стремятся придать своему облику побольше лоска и сексуального градуса. Надо сказать, что Алла Сергеевна в том преуспела. Прическа, что называется, в стиль и цвет, легкий изысканный макияж, отражающий чувственность ее натуры. Красивая, грациозная, обаятельная... И стержневая...

Она была на кого-то похожа, но на кого именно, Панфилов припомнить не мог. Да и не пытался напрячь память.

– Опорный пункт в двух шагах от вас, – делая усилие, чтобы не выйти из себя окончательно, сказал он. – Возможно, мы бы смогли взять преступника по горячим следам.

Он уже знал, что гражданку Максютлову обокрали. Не знал только, сколько денег пропало из ее сейфа. Но намеревался выяснить у нее это сейчас.

– Кто, вы? – пренебрежительно хмыкнула она. – Вы только и можете, что людей порядочных в кутузку сажать!

– Это вы о чем? – насупился Панфилов.

– У нас тут хоть и элитный поселок, но, в общем-то, деревня. Все про все знают. И про то, как вы Грецкого вчера арестовали, тоже знаем... Еще слюни здесь пускаете!.. Да, я не доверяю вам! Да, я не хочу, чтобы вы закрыли меня в кутузке!

– Что-то вы не то говорите... Грецкий был в нетрезвом состоянии, мог разбиться... Однажды со мной такое было...

– Мне все равно, что у вас было, – холодно отрезала Максютлова и повернулась к нему спиной.

На ходу небрежно бросила через плечо:

– Противно слушать...

Панфилов промолчал. Хотя едва не высказал ей, что думает про нее. Знал он таких мисс и миссис из высшего общества. Будь он миллионером, она бы с ним так не разговаривала, ужом бы вывернулась, чтобы казаться лучше, чем есть. Еще бы и заигрывать с ним стала... А он для нее всего лишь рядовой милиционер, чего с ним церемониться... Рядовой. И не миллионер...

Марк Илларионович закусил губу, чтобы не психануть. Не так уж хорошо быть участковым, как ему казалось. И деревенские пейзажи уже не радуют... А дом у Максютловой

неплохой. Два с половиной этажа, башенки, эркеры, визуальная легкость конструкций. Двор, как учебное пособие для ландшафтных дизайнеров, большой, открывающийся на лето бассейн – и это при том, что до озера рукой подать. Первая линия у воды, небольшая пристань с гаражом для небольшого моторного катера. Видно, что вдовушка не бедствует...

Это ее муж ушел под лед этой весной, это ее Юра Костромской называл женой-красавицей... Действительно, красивая бабенка. Настолько же сексуальная, насколько и стервозная...

Панфилов порывался уйти отсюда, но все же переборол в себе обиду. Зашел в дом, поднялся на второй этаж, заглянул в комнату, где находился сейф.

Большая комната, похоже, рабочий кабинет. Массивный стол, стеллажи с книгами, диванчик в стиле ампир, не вписывающийся в общую гамму строгого модерна. Мягкий ковер темно-коричневого цвета, на весь пол. На стенах картины в богатых рамах, фламандская живопись – наверняка копии, но очень удачные. Одна картина висит в стороне, под ней злополучный сейф с цифровым наборником. Окно распахнуто, штора отведена в сторону.

В комнате работали эксперт и оперативник. Панфилов не стал их беспокоить. Лишний он здесь человек, и не важно, что старший участковый. Поприсутствовал для порядка на месте преступления, пора и честь знать.

Но уйти он не успел. Его окликнул следователь, совсем молодой, щеголеватый лейтенант.

– Капитан, как настроение? – запанибратски, но явно с подвохом подмигнул он.

– А что такое? – пристально посмотрел на него Марк Илларионович.

– Да поработать надо... Поднимай свою ватагу, местность надо бы осмотреть...

– Поднимай? А мы что, с вами на «ты»? Не помню я, чтобы мы детей вместе крестили.

– Да ладно тебе!

– Я же сказал, не тыкай... – начал заводиться Панфилов.

Так вдруг захотелось послать к черту и его, и всех милицейских начальников вместе взятых... Не думал он, что нервы сдадут так быстро. Надеялся, что задора хватит хотя бы на пару недель. Но нет, кажется, пора выходить из игры...

– Ну, хорошо, хорошо... Задание у меня к вам. Местность нужно осмотреть. Предположительно преступник ушел в сторону озера, вдоль берега...

– Какого берега? Какой преступник?.. Кто его видел?..

– Горничная видела.

– Этого дома горничная или соседнего?

– Этого... Она одна в доме была, когда это произошло...

– И что она говорит?

– Ну что порядок в доме наводила. Пылесосила. Услышала шаги над головой. Поднялась на второй этаж, смотрит, окно распахнуто, следы на подоконнике...

– Пылесосила? И услышала шаги? – недоуменно посмотрел на следователя Панфилов. – Пылесос, надо полагать, встроенный, бесшумный?

– Э-э, я как-то не подумал, – почесал затылок лейтенант.

– Встроенный. «Сименс», – услышал он женский голос. – Бесшумный...

Хозяйка дома незаметно вошла в комнату, без приглашения встряла в разговор. Марк Илларионович посмотрел на нее с неприязнью. Не нравилась ему эта женщина, прежде всего из-за стервозности своего характера. Была и еще одна причина, накладывающаяся на первую. Его давно уже перестали волновать стандартные эталоны женской красоты. Наелся в свое время. А сейчас, если и проголодался, то лишь на физиологическом уровне. В душе же к этой красотке теплых чувств он не питал.

Алла стояла у окна и свысока посматривала на него, упиваясь своим преобладающим, как ей казалось, положением.

– Значит, она слышала шаги, – обращаясь к следователю, спросил Марк Илларионович.
– Да, слышала...
– И как окно отворилось, тоже слышала.
– Нет. Потому что оно уже было открыто. Преступник пролез в кабинет через окно.
– Окно было открыто?
– Да, горничная проветривала комнату. Она всегда так делает, когда убирается в доме.
– Окно было распахнуто настежь?
– Нет, оно было откинута, в режиме проветривания. Преступник просунул руку через щель, открыл окно...
– А как он попал на второй этаж?
– Очень просто. Он воспользовался приставной лестницей.
– А где он ее взял?
– Все очень просто, – насмешливо сказала Максютова. – Лестница была во дворе, вчера ею пользовались и забыли забрать... И не надо изображать из себя Шерлока Холмса. Поверьте, вам это не идет.

Панфилов побагровел от злости, сжал кулаки, чтобы не взорваться.

– А что мне, по-твоему, идет? – сквозь зубы спросил он.

– Не помню, чтобы мы переходили на «ты»...

Язвительно-уничтожающая улыбка окончательно вывела его из себя.

– Да пошла ты! – не выдержал он.

И повернулся к ней спиной, чтобы выйти из комнаты.

– Ну знаешь! – стервозно прошипела она.

Панфилов остановился в дверях, не оборачиваясь, обратился к следователю:

– лейтенант, я, конечно, не Шерлок Холмс, но пластиковое окно не открыть снаружи, даже если оно откинута для проветривания. Сначала его надо закрыть изнутри... И еще, на полу в кабинете ковер, он бы заглушил шаги. Не могла горничная ничего слышать... Пардон!

Следователь не сказал ничего. Зато Максютова не удержалась от комплимента.

– Плебей!

Марк Илларионович застыл как вкопанный. Сжимая кулаки, втянув голову в плечи, медленно и неотвратно повернулся к ней:

– Сука!

Как в коротко-импульсный сигнал можно вложить непомерно большой объем информации, так и он смог заключить в этом бранном слове все свои гневные эмоции. Ему хватило всего одного слова, чтобы выпустить пар.

Пока Максютова возмущенно хватала ртом воздух, не в силах родить оскорбительную реплику, он повернулся к ней спиной и был таков.

Хватит с него милицейского геройства. Надоело все!

«Нива» стояла у ворот дома. Левшин и Захарский возле нее, замороженно смотрят куда-то в сторону.

– К машине! – рявкнул разозленный Панфилов.

Парни вмиг вернулись к действительности, запрыгнули в автомобиль.

Зато сам Марк Илларионович застыл как вкопанный, глядя в ту же сторону, куда были устремлены их взгляды.

По улице пружинистой спортивной походкой шла юная девушка в теннисном костюме с короткой плиссированной юбкой нежно-белого цвета. Светло-русые с легкой рыжиной волосы под теннисным козырьком, стянутые назад в конский хвост. Ошеломляющие глаза, красивое лицо, волнующая фигура – полная грудь, тонкая талия, развитые бедра, сильные и длинные ноги. Спортивная сумка на плече, ракетки в чехле. Кроссовки, казалось, были на воздушных подушках, с помощью которых она изящно парила над землей.

Даже если бы все милицейские начальники вплоть до министра МВД хором заорали бы сейчас на Панфилова, он бы и ухом не повел – так он был зачарован. И в то же время напуган. Ведь это была не просто девушка, это было привидение из далекого прошлого. Давно погибшая Настя ожила и предстала перед ним в обличье теннисной дивы. Ее глаза, ее волосы, ее губы, фигура, ноги...

Но девушка проплыла мимо него, лишь скользнув взглядом по милицейской машине. Марк Илларионович, уже не владея собой, как зачарованный направился за ней.

Она оглянулась, недоуменно приподняв бровь, прибавила ходу. Но Панфилов не отставал.

Гонка продолжалась совсем недолго. Девушка свернула к большому трехэтажному дому, из ворот которого выезжал внедорожник «RAV-4» серебристого цвета. Она перегорела машине дорогу, когда та остановилась, бросилась к водительской дверце.

– Мама! Мамочка! – воскликнула она, испуганно показывая на Панфилова.

Из машины вышла женщина лет тридцати с небольшим. У Марка Илларионовича отвисла челюсть.

Оказалось, что теннисистка вовсе не была привидением. Она была дочерью женщины, которую он давно похоронил. Возле машины, так же потрясенно глядя на него, стояла Настя, не совсем уже молодая, но такая же красивая и желанная, как двадцать, а если точнее, девятнадцать лет назад. Роскошная зрелой красоты женщина с невероятно высокой энергетикой обаяния.

Тогда, еще давно, его добровольный помощник Леонид Костромской предупреждал, что ему не стоит обольщаться. Дескать, Настя будет изящной красавицей, пока молодая. Фигура у нее такая, что со временем ее разнесет, и станет она такой же толстой, как Екатерина Михайловна. Но нет, ошибался Костромской. Может, Настя и была склона к полноте, но фигурка у нее такая же чудная и волнующая, как прежде.

Было видно, что Настя тщательно следит за собой. Утонченная красота, совершенный вкус, безупречный стиль... Но если бы она располнела, запустила себя, Панфилов бы все равно смотрел на нее во все глаза и восхищался ею. Он много повидал на своем веку, но ни одно чудо света не смогло встать рядом с тем эталоном, который представляла собой Настя.

– Это мне снится? – спросил он.

– Не знаю, – помимо своей воли нежно улыбнулась она.

Но тут же взяла себя в руки, придала своему лицу выражение неприступности.

Марк Илларионович также попытался привести себя в чувство. Но на девушку в теннисном костюме посмотрел робко, растерянно.

– Твоя дочь?

– Да. Агата.

– Дурацкое имя, – досадливо поморщилась девушка, укоризненно глянув на мать.

– А лет сколько? – не удержался, спросил Панфилов.

– Шестнадцать. А что? – спросила Агата, с любопытством глянув на него.

Она была очень красивой девочкой. И она была такой же молодой, как ее мать, когда лейтенант Панфилов познакомился с ней. Но при всех ее достоинствах Марк видел в ней лишь копию любимой и, как он считал, давно погибшей девушки. Поэтому сейчас Агата могла волновать его исключительно как ее дочь.

– Столько же, сколько и мне тогда, – дрогнувшим голосом сказала Настя.

– Ты изменилась.

– Да, стала старше.

– И красивей... Хотя, казалось бы, куда уж можно красивей...

– Давай обойдемся без комплиментов.

– Мам, а это кто? – спросила Агата.

– Старший участковый сельского поселения Серебровка, капитан милиции Панфилов.
– А что вы у Максютовых делали? Опять что-то случилось?
– Случилось. Ограбление.
– Ух ты! А что именно?
– Иди домой, любопытная. И переоденься, а то распаренная вся.
– Бегу, мамочка... – Она сделала шаг в направлении дома, но вдруг резко остановилась, с подозрением глянула на Панфилова. И с сомнением спросила у матери: – А он тебя не обидит?

– Разве я похож на того, кто может обидеть? – спросил он с глуповатым видом человека, пытающегося изображать из себя доброго дядю.

– Ну, не знаю...

– Иди, Агата, иди, – поторопила дочку Настя.

– А папа ничего не скажет?

– Агата!

Девушка исчезла. И только тогда Настя сказала с неприкрытой досадой:

– Ты не похож на человека, который может обидеть. Но обижать ты умеешь...

– Это ты о том, что было тогда?

– Когда тогда? – изобразила непонимание Настя.

– Ну, двадцать... девятнадцать лет назад...

– Что, столько лет прошло? Для меня это все как будто вчера было... Ты, Нонна... Этот ужас...

– Но ты же ничего не знаешь...

– И знать не хочу... Извини, мне уже надо ехать...

– Куда?

– Тебе не все равно?

– Мне тоже надо ехать. Уезжать. Отсюда... Надоело здесь... Но я уже не хочу... Я остаюсь здесь...

Панфилов приехал в Серебровку прежде всего затем, чтобы получить дозу ностальгического адреналина. Он получил то, что хотел. Но доза быстро иссякла, а банальность современного бытия окончательно погасила в нем огонь энтузиазма. Стервозная Максютова была лишь последней каплей на потухший костер... Но вот случилось чудо. Он встретил вдруг Настю. И это уже не ностальгическое вдохновение, а шквал головокружительных чувств из дивного настоящего... У Насти есть муж, дочь, но все это не так важно по сравнению с тем, что она есть вообще...

– Оставайся, мне-то что? – неуверенно пожала она плечами.

И села в машину.

– Сегодня, на нашем месте...

Только это и успел сказать ей Марк Илларионович, прежде чем она закрыла за собой дверцу.

Глава шестая

Лейтенант Тараскин смотрел на Панфилова со смешением чувств во взгляде. Он вроде бы и с одобрением относился к нему, но в то же время и осуждал.

– Горничная во всем созналась, – сказал он. – Не могла она слышать шаги в кабинете. И окно можно открыть только изнутри... А лестницу она сама приставила. И на подоконнике след от ботинка сама оставила. И ботинок нашли, и деньги...

– Сколько? – равнодушно спросил Марк Илларионович.

Ему интересно было знать, что произошло в доме Максютых, но в данный момент он мог думать только о предстоящей встрече с Настей. Он почти не сомневался в том, что она придет на свидание с ним. Даже на старом месте побывал. От плакучей ивы, правда, остался только пенек, поросший кустарником. Но, как и прежде, по вечерам там должно быть тихо и свободно. Еще он проехал несколько раз мимо дома ее родителей. И увидел ее отца. Евгений Андреевич совсем старый, но ходит бодро. Екатерину Михайловну он не увидел, но главное, что у Насти есть повод отлучиться в родительский дом, а оттуда до заветного места у озера рукой подать... Сегодня он встречается с Настей. Все остальное для него не существовало.

– Двадцать четыре тысячи евро и бриллиантовое кольцо.

– Неплохо... А сейф как она открыла? Там же кодовый замок.

– Очень просто. Код очень давно не менялся, да и не сложный он, всего пять цифр, все разные. Пять кнопок использовалось, краска на них слегка подтерта пальцами...

– Сообразительность плюс метод научного тыка?

– Вот-вот...

– А может, она все-таки знала код?

– Откуда?

– Не знаю... Не видел я эту горничную, не могу сказать, симпатичная она или так себе?

– Симпатичная. Даже очень. А что?

– Да так... Может, хозяин дома с ней крутил... Это я так, просто в голову пришло. Досужие мысли не совсем досужего человека...

– Хозяин дома покончил жизнь самоубийством.

– Да, я слышал... А вы, кажется, расследовали это дело.

– Что там расследовать? Самоубийство.

– Провалился под лед.

– Если точнее, нырнул в прорубь.

– Моржеванием занимался?

– Нет, в одежде нырнул...

– Может, столкнул кто?

– Нет, у него не было врагов.

– Кто вам такое сказал? Если он бизнесом занимался, то у него не могло не быть врагов.

– Не занимался он ничем.

– То есть как?

– Акции у него в нескольких доходных компаниях, он их в доверительное управление отдал. Ну, может, знаете, есть специальные управляющие компании...

– Знаю. Пакеты какие?

– Не понял.

– Пакеты акций какие, спрашиваю?

– А какими они могут быть?

– Контрольными, блокирующими или просто миноритарными...

– Какими-какими?

– Проехали...

Панфилову совсем не улыбалось проводить экономический ликбез.

– Бывает, из-за акций тоже убивают, – сказал он. – Если кто-то хочет к рукам их прибрать... Кто-то влияние за счет них расширить хочет, не обязательно конкурент... А еще акции вместе с наследством можно хапнуть... Кто унаследовал активы покойного?

– Ну, жена...

– Какая? Первая, вторая, третья...

– Законная. Алла Сергеевна... Ну, в права она еще не вступила, но дело решенное... А детям его треть от наследства досталась... А вы думаете, это жена могла его в прорубь столкнуть?

– Не берусь судить. Не знаю, где прорубь была... Знаю только, что озеро у них под боком...

– Да, озеро у них рядом. Возле своего дома он в прорубь и сиганул... Алла Сергеевна говорила, что он в последнее время был сам не свой, говорила, что в депрессию впал...

– Язык у нее без костей, сказать она все, что угодно, может...

– Ну, если уж на то пошло, то можно сына его в убийстве обвинить.

– Я слышал, сын в Сорбонне учится.

– Учился. Сейчас у него что-то вроде академического отпуска. В Москве он сейчас...

– Алиби у него есть?

– Не выясняли. Ясно же, что самоубийство.

Марк Илларионович внимательно посмотрел на Тараскина. Или делает вид, что ему все ясно, или действительно убежден в том. Скорее первое... Парень молодой, а Максютова даром что стервозная. Натура у нее чувственная, умеет она любить горячо, если это ей выгодно...

– Ну, ясно так ясно. На нет и суда нет...

Панфилов не был заинтересован в том, чтобы выгораживать богатую вдову. Просто ему совсем не хотелось вникать в дело, по которому никто не требовал у него отчета. Так, ради интереса поговорил о нем, пора и честь знать.

Он уже думал, что разговор закончен. Но Тараскин подбросил в погасшую было топку заминированное поленце.

– А на Аллу Сергеевну вы, товарищ капитан, напрасно наехали, – предостерегающе нахмурил он брови.

– Это уже интересно, – вскинулся Панфилов. – А если натура у меня такая, ненавижу, когда мне хамят?

– Чем она вам нахамила? Вы сами набросились на нее. За то, что не вас, а нас она вызвала на происшествие...

– Ну, погорячился немного...

– Она мне сразу позвонила, я как раз дежурил... О вас не подумала.

– Вас она знала лично, товарищ лейтенант?

– Да. А что тут такого? Я же работал с ней, по делу мужа...

– Ничего такого. Баба она красивая, не вопрос...

– Может, вас это и заело?

– Я не понял, мы что, выяснять сейчас будем, что да как?

– Скорее всего, будем. Но не сейчас. Назначат служебное расследование, возможно, мне придется его вести...

– Рапорт напишете? Или она сама будет жаловаться?

– Плохо вы меня знаете, если думаете, что я своего могу сдать... Сама будет жаловаться.

Ну, а я все видел и слышал... Напрасно вы ее сукой назвали.

– А как она меня назвала?

- Плебей, кажется.
- По-вашему, я должен был стерпеть?
- Если по-моему, то да.
- Я не плебей, лейтенант.
- Но и не патриций... Патриции в милиции не работают...
- Плебей – это прежде всего оскорбление.
- Не спорю.
- Тогда какой разговор?
- И все-таки вы напрасно дали волю своим чувствам...
- Может быть. Но не вам меня учить, товарищ лейтенант.
- Да, конечно... Поеду я.

Тараскин улыбнулся так, будто движением губ разгонял темные тучи над головой Панфилова. И руку на прощание он подал с таким видом, как будто недоразумение исчерпано. Но это была всего лишь видимость. И грозовая туча будет, и гром грянет. Но Марк Илларионович ничего не боялся.

Гром грянул в тот же вечер. В самом буквальном смысле. Темные тучи, громыхание и блеск электрической стихии, ливень. Но Панфилов никуда не уходил. Стоял у озера как истукан, под дождем, в непромокаемой накидке. Он понимал, что при такой погоде Настя не придет, но уйти не смел. Так и простоял до самой полуночи.

Настю он так и не дождался. Но домой уходил в предчувствии грядущего счастья.

Дождь лил до глубокой ночи, но утром от туч не осталось ни следа. Чистое небо, бездонное, как глаза у Насти. И солнце во всей своей жизнеутверждающей красе, такое же жаркое, как любовь к ней...

А к обеду нагрязнул майор Перелесов из города.

- Плохо, Панфилов, очень плохо. Жалоба на тебя.
- Сколько?
- Одна.
- От кого?
- А что, должно быть две или три? От разных людей?

Перелесов сообразил правильно. Но у него лишь догадки. Похоже, жалоб со стороны Грецкого не поступало. Или со стороны Максютовой.

- Нет, одна должна быть.
- Одна, от гражданки Максютовой. Как ты ее назвал?
- Так и назвал. Как она того заслужила.
- А конкретно?
- В объяснительной напишу.
- Напишешь. Обязательно напишешь. А также принесешь ей свои извинения.
- И это обязательно?
- Я бы сказал, первостепенно. Ты извинишься, а я проконтролирую.
- Ее сейчас дома нет, – совсем в том не уверенный, сказал Марк Илларионович.

Но Перелесов ему поверил.

– А когда она будет?

– Поздно вечером, – приплел он.

– Что ж, придется мне остаться здесь до позднего вечера, – не сдавался майор. – Вместе к ней поедем.

– Зачем ехать, тут пешком совсем чуть-чуть. Или мне на коленях к ней надо приползти?

– Не ерничай, Панфилов.

– Я не ерничаю. Просто смешно. Мне, капитану милиции, извиняться перед какой-то вертихвосткой...

– У этой вертихвостки роман с начальником... Э-э, не важно, что там, – спохватившись, отмахнулся от самого себя Перелесов.

– Роман с начальником РОВД?! Занятно!

– Ну, не то чтобы роман... Но я тебе ничего не говорил.

– А я ничего и не слышал...

– В общем, полковник Сагальцев настаивает...

– Ну, если сам Сагальцев... Хорошо, принесу ей свои извинения...

– Вот и хорошо, – облегченно вздохнул Перелесов. – А то я уж думал, что давить на тебя придется... Да, хотел тебя спросить. Узнал, кто участок твой спонсирует?

– А что, Сагальцев не знает?

– А почему он должен знать?

– Ну, если он с Максютовой крутит. Она же должна быть в курсе?

– Я не знаю, что он там крутит. Не моего ума дело. И не твоего... Ты мне скажи, узнал или нет?

– Нет. Но обязательно узнаю.

Он не стал говорить про разговор с Грецким. Во-первых, Антон врал. А во-вторых, не хватало еще, чтобы начальник РОВД к нему для выяснения отправился. Сагальцев к нему с поклоном, а тот ему – жалобу на капитана Панфилова. Так, мол, и так, незаконный арест, ущемление прав человека, небрежное отношение к личности...

– И насчет Максютовой узнаю. Может, она уже дома. А вы пока пообедайте, отдохните.

Панфилов организовал обед в комнате психологической разгрузки, после чего вызвал к себе в кабинет Костромского, плотно с ним пообщался по интересующему его вопросу, сделал пару звонков и только затем вместе со своим начальником отправился к гражданке Максютовой.

Она была дома. Вышла к воротам, но во двор гостей впускать не стала. Каверзно улыбнулась, глядя на Панфилова в проем открытой калитки.

Марк Илларионович молчал, поэтому заговорил Перелесов:

– Вот, Алла Сергеевна, пришли к вам извиниться.

– Извиняйтесь, – ехидно ухмыльнулась она.

– Может, мы в дом пройдем? – спросил Панфилов.

– Еще чего! Здесь извиняйтесь.

– Извините, Алла Сергеевна... За то, что до конца не разобрались, извините... А то ведь ваш муж от руки злодея погиб, а мы его смерть на самоубийство списали. Нехорошо вышло...

– Что-что? – опешила женщина.

Она явно не ожидала от него такого подвоха.

– А может, вас устраивает такая версия?

Панфилов не просто смотрел на нее, он сверлил ее взглядом.

– Какая версия? – сглотнув комок в горле, дрогнувшим голосом спросила Максютова.

– Версия самоубийства. А что, овцы нет, а волки и целы, и сыты...

– Какие волки?

– А вот с этим разбираться будем. Дело поднимем, палец к носу прикинем. Веревочку нащупаем, дернем за нее, дверь, глядишь, и откроется...

– Какая дверь? Что вы несете?

– Очень много вопросов у меня к вам, Алла Сергеевна. Насчет вашего покойного мужа.

– Ну, знаете что! – в испуге, но дерзко возмущилась Максютова.

– Что-то уже знаем, что-то еще узнаем... Позвольте во двор пройти, хочу на место глянуть, где лунка была...

– Позволю. Как только постановление будет, так и позволю...

Максютова с треском захлопнула калитку – в бессильной, как могло показаться, ярости.

– Марк Илларионович, что это с вами? – осуждающе спросил Перелесов.

– Не люблю, когда из меня идиота делают! – гневно и подавляюще глянул на него

Панфилов.

– Вы ее в чем-то подозреваете?

– Да, в убийстве мужа.

– У вас есть основания так считать?

– Да.

– Какие?

– Пока только предположительные. Надо будет с материалами дела ознакомиться.

– Какого дела?

– Уголовное дело, я так полагаю, не возбуждено. А материалы, смею надеяться, есть.

И дело будет. Это я вам обещаю.

– Напрасно вы так! Такой прекрасный участок вам выпал! Не хотите же вы, чтобы вас в Забросовку отправили. Там такая дыра...

– Кто меня отправит? – резко, в яростном порыве спросил Панфилов. – Сагальцев?

– Почему Сагальцев? – растерянно спросил Перелесов.

– Потому что Максьютова с ним крутит... Или вы мне этого не говорили?

– Не говорил, – совсем уже обескураженно мотнул головой майор.

– Но факт есть факт. И по этому факту дело о гибели гражданина Максьютова списали на самоубийство...

– Не нашего это ума дело.

– Не вашего, вот и молчите. А мне палки в колеса вставлять не надо.

– Сложный вы человек, Марк Илларионович, – цокнув языком, сказал Перелесов.

– Даже не представляете, насколько сложный. И опасный...

– Зря ты, капитан, это затеял! Ох, и зря!..

Майор сел в свой «уазик», кивком головы пригласил Панфилова последовать его примеру.

– Я пешком. Тут недалеко.

– Ну, ну, пройдишь пешком. Может, охладит буйную голову... Мой тебе совет, вернись к Максьютовой, извинись. И забудь о том, что мне наговорил...

– Вернусь, обязательно вернусь.

Перелесов уехал, а Марк Илларионович спокойным шагом пошел по улице элитного поселка. Гладкий асфальт превосходного качества, зеленые насаждения придомовых территорий, приятный ветерок, щебет птиц. Тишь да гладь, божья благодать. И не скажешь, что где-то рядом только что бушевали злые страсти...

Машина подъехала почти бесшумно, остановилась, мягко качнувшись на рессорах. Марк Илларионович уже знал, кто это снизошел до него, интуиция подсказала. Сердце учащенно забилося.

Сидящая в машине Настя кивнула ему, показывая на пассажирскую дверцу. Он все понял, сел в машину.

– Имею же я право подвезти участкового милиционера? – озоровато улыбнулась она.

– Подвезти? А может, увезти?

– Куда? – заинтригованно улыбнулась Настя.

– Куда-нибудь далеко-далеко. От мужа.

– От мужа?! Разве я говорила тебе, что у меня есть муж?

– А разве нет?

Марк Илларионович воспарил в райские облака, но Настя вернула его на бrenную землю.

– Есть.

– Кто?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Я думала, ты навел справки...

– Я хочу все узнать от тебя. Я вчера тебя ждал до полуночи...

– Дождь как из ведра лил.

– Я не в обиде.

– Разве я говорила, что приду?

– А я все равно буду тебя ждать. И сегодня, и завтра...

– Где ты раньше такой настырный был?

– Мне сказали, что ты умерла.

Настя остановила машину, порывисто повернулась к нему лицом, язвительно-жестко заглянула ему в глаза.

– Кто тебе такое сказал?

– Твоя мать ко мне в больницу приезжала... – обескураженно сказал он. – Я думал, она меня задушит...

– Моя мать... – недобро усмехнулась она. – Она могла... Не умирала я...

– Вижу, что нет.

– Видит он...

Настя снова тронула машину с места, повела ее по главной сельской улице. Проехала мимо административной площади.

– Ты как будто не знал, что мама спала и видела, как замуж меня за Грецкого выдать, – с изрядной долей осуждения сказала она.

– Знал.

– Вот она меня и выдала.

– За Грецкого?

– Да. Теперь я Грецкая Анастасия Евгеньевна... Уже семнадцать лет Грецкая...

– Я так почему-то и думал, – подавленно вздохнул Панфилов. – Видел его... И дочь у тебя Агата... Мать его Агатой звали, так, кажется?.. Неужели в ее честь?

– Я не хотела. Так она меня чуть живьем не съела... Вспоминать не хочется...

Машина свернула на узкую, поросшую травой дорогу, ведущую к озеру. Теперь Марк Илларионович точно знал, куда везет его Настя.

– Не хочется вспоминать... – продолжала она. – Черт с ней, с Агатой Никаноровной... Ты у меня до сих пор перед глазами стоишь...

Внедорожник не без труда пересек неглубокое русло небольшого ручейка. Настя остановила машину возле кустарника, где когда-то росла их любимая плакучая ива.

– Теперь оправдывайся! – потребовала она, пристально глядя ему в глаза.

– Что, оправдываться? – опешил он.

– Ты знаешь, что! Почему ты тогда, с Нонной!.. Это святое для нас место, не вздумай врать!

Панфилов потрясенно смотрел на нее... Плакучая ива у воды, своеобразный алтарь их любви. Действительно, святое место. Настя знала, куда его привезти.

– Я тебя ждал здесь... Ты должна была прийти... Но пришла Нонна. Сказала, что ты живешь с Антоном. Сказала, что родители квартиру ему сняли, а ты с ним... Сказала, что любишь меня, а живешь с ним...

Марк Илларионович забыл, сколько лет отделяет их с Настей от того рокового для них дня. Он чувствовал себя молодым лейтенантом Панфиловым, которому только что сообщили об измене любимой девушки. И так же, как тогда, ему вдруг захотелось вдрызг выпить.

– И ты поверил?

– Нет, но...

– Что, но?

– Я должен был осмыслить... У меня дома была бутылка... Потом Нонна пришла, еще принесла... А дальше все как в тумане... Пьяный в дым был, ничего не соображал...

– Но ты с ней спал?

– Кажется, да...

– Кажется?

– Ну да, она вроде бы со мной была. Но я ничего не помню... И ничего не чувствовал... Ты мне скажи, кто тебя надоумил прийти ко мне ночью?

Он снова стал капитаном Панфиловым. Дотошным, пытливым, подозрительным и разумно циничным.

– Кто, кто... – ступевалась Настя. – Антон сказал...

– А что ты с ним допоздна делала?

– Что, что... Отец его поздно за нами приехал. А в пути он колесо пробил. Сначала одно, потом второе. Поздно приехали... А он все зудел, что ты не дожدهшься, с Нонной закрутишь... Ну, я поверила. Пришла к тебе...

– Как-то хитро все закручено, ты не находишь? Нонна говорит мне, что ты с Антоном. А он тебе говорит, что я с ней. Одно к одному все... На подставу похоже...

– Да, но ты же спал с Нонной?

– Железная логика... Да, спал... Но она сама... Она хитрая, а я пьяный...

– Не важно.

– Все равно ты должна была разобраться... А ты таблеток наглоталась... Или не было ничего?

– Было. В больнице две недели лежала...

– Но не умерла.

– Нет.

– А мать твоя была...

– У тебя в больнице... – в глубоком и подозрительном раздумье продолжила за него Настя. – Я слышала, что ты разбился...

– К тебе ехал. Не справился с управлением...

– Значит, мама знала, в какой ты больнице... Мне говорила, что не знает... А я хотела приехать, спросить, почему так вышло...

– Не приехала, не спросила... А я думал, что ты правда умерла...

– Можно было приехать, проверить...

– Меня полтора года по госпиталям носило... А потом, если бы кто-то другой про тебя сказал, а то мать твоя. Я же не думал, что она такая дура... э-э, ну, такими вещами не шутят... Кто ж беду на родную дочь накаркивать будет...

– Выходит, что накаркала, – горько усмехнулась Настя. – Антона мне накаркала... Да и он сам как тот ворон надо мной кружил... И Нонна говорила, что ты с ней по большой любви лег... Запутали меня. Да я и сама запуталась...

– Запутали. Ты чуть до смерти не отравилась. Я чуть насмерть не разбился... Если б только это. Я ж без тебя как неживой был все эти годы... Все было, только тебя не было. Вроде бы все хорошо, а без тебя плохо...

– Ты женат?

– Нет... Уже нет...

- Значит, был.
- Да... Пять раз...
- Сколько? – изумленно глянула на него Настя.
- Много... Десять штампов в паспорте, пять о регистрации брака, пять о разводе...
- И кто в разводах виноват?
- Я, – кивнул Панфилов. – Всегда я.
- И чем тебя твои жены не устраивали?
- Тем, что сравнения с тобой не выдерживали... Все не то...
- Скажи, ты это сейчас говоришь серьезно? – пытливо и взволнованно смотрела ему в глаза Настя. – Или просто поиграть со мной хочешь? Скучно здесь, а тут такая интрижка...
- Ты для меня никогда не была интрижкой. Ты для меня – все и навсегда!

Он хотел было сказать ей, что нет и не может быть лучше женщины на свете, чем она, но Настя махнула на него рукой, призывая молчать. А потом вдруг порывисто прильнула к нему, закрыла ему рот поцелуем. И закружился мир в волшебном калейдоскопе радужных чувств и эмоций...

Он и она снова были на своем любимом месте у озера. Как тогда, девятнадцать лет назад. Но в этот раз оба понимали, что одними поцелуями дело не закончится.

Глава седьмая

Кресла уже подняты, пуговицы все застегнуты, из колонок мягкой проникновенной волной поднимается «My heart will go on» из «Титаника». Настя смотрит в окно, нервно перебирая пальцами кожаную обшивку руля.

– Я никогда не изменяла мужу... – с осуждением самой себя сказала она.

– Это не измена, – покачал головой Панфилов. – Это справедливость... Ты же должна понимать, что Антон подставил меня. Из-за него ты отравилась. Из-за него я попал в аварию...

– Думаешь, он на такое способен?

– Насколько я знаю, он не отягощал себя высокими моральными принципами...

– Он – мой муж, у нас растет дочь.

– Я мог быть твоим мужем. У нас могла быть куча детей... Но ведь нет ничего. Из-за него.

– Это еще доказать надо.

– Зачем?.. Ты просто разведешься с ним и выйдешь за меня замуж.

– Что? – встрепелась она.

И недоуменно-взбурдаженно уставилась на него.

– Разведешься с ним и выйдешь за меня.

– Ты в своем уме? По-твоему, это так просто?

– По-моему, да... Или ты любишь Антона?

– Нет. Никогда не любила... Не стерпелось, не слюбилось...

– Но у него бизнес в Москве, да? И дом у вас превосходный. Озеро, заповедник... А я простой участковый уполномоченный, ни кола, ни двора...

– При чем здесь это? – как на клинического идиота, глянула на него Настя. – Бизнес, дом... Да мне все равно, как жить, лишь бы счастье было...

– Я могу сделать тебя счастливой?

– Да, – немного подумав, твердо сказала она.

– Тогда в чем дело?

– Агата очень любит отца. Она меня возненавидит...

– Ничего, скоро она станет совсем взрослой. Все поймет. И простит...

– Может, когда совсем взрослой станет, тогда?.. – задумалась она.

– И сколько ждать?

– Два, ну, три года...

– Знаешь, я готов ждать тебя и три, и тридцать лет. Но знать, что ты спишь с Грецким...

– Я с ним не сплю... – резко сказала Настя. Но, спохватившись, раздосадованно добавила: – То есть стараюсь не спать...

– Но не всегда получается.

– Я не люблю его... Я хочу быть с тобой, но... Я не знаю, я должна подумать... Я должна решиться...

– Может, все-таки тебя смущает, что я простой милиционер... Так у меня квартира в Москве есть. Я там служил, жилье по очереди получил...

– Да, хотела спросить у тебя, как ты жил все это время.

– Ничего. Оклемался после аварии, дальше служил. До капитана дослужился. Как в анекдоте, *еще* только сорок три года, а *уже* капитан. Бешеный карьерист капитан милиции Панфилов...

– Мне все равно, капитан ты или генерал...

– Генералом быть не каждому дано. Каждому свое...

- Мне все равно... Лишь бы...
- Что лишь бы?
- Лишь бы у тебя в паспорте шестой штамп не появился, о разводе...
- Так ты этого боишься?... С тобой бы я никогда не развелся... И не разведусь... Что бы ты ни думала, ты все равно будешь моей...
- Не знаю. Меня смущает Нонна...
- Я ее и знать не знаю.
- Но ты с ней был... И у тебя было пять жен... При такой любвеобильности всякое может случиться...
- Не случится. Клянусь.
- Антон тоже клялся, когда... – начала было Настя, но сама же себя и осадил.
- Что, когда?
- Ничего.
- Он тебе изменял?
- Да... С Нонной... Через год после свадьбы. И я их в сарае застукала... На коленях ползал...
- Простила?
- А куда деваться? Агата тогда совсем кроха была. Куда я с ребенком на руках?..
- Логично. И где сейчас это яблоко раздора?
- Это ты про Нонну?
- Про нее.
- В Москве живет. Замуж удачно вышла... А тебе что?
- Да так... Боюсь, вдруг случайно увижу. Я, конечно, не кровожадный, но пару ласковых ей бы сказал... Никогда не бил женщин, а на эту руку чешется... Да ты не думай, не ударю...
- Я и не думаю... А увидеть ты ее можешь. Она иногда к сестре своей приезжает. Ты ее знаешь...
- Кого?
- Сестру младшую.
- Знаешь, никогда не был с ней знаком.
- Был. Ты с ней сегодня разговаривал, я видела...
- Да нет, ты что-то путаешь.
- В девичестве она Рощиной была, а сейчас – Максютлова. Теперь ясно?
- Ясно, – озадаченно потер пальцами щеку Панфилов. – А я еще думаю, на кого она похожа... Кстати сказать, сходство так себе. Чего про тебя с Агатой не скажешь. Твоя дочь – твоя точная копия в юности...
- А чему ты радуешься? – подозрительно глянула на него Настя.
- Тому, что твоя дочь на Антона ни капли не похожа.
- Но это его дочь...
- А Максютлова – сестра Нонны, – медленно, с расстановкой проговорил он.
- Что, покоя не дает? – колко усмехнулась она. – Алла очень красивая... Муж на руках ее носил...
- Мне все равно, какая она. А то, что муж на руках носил... Если на руках носил, значит, любил...
- Конечно, любил. Стал бы он со старой женой разводиться из-за нее...
- А он развелся... И сколько лет в новом браке жил?
- Два или три года. Что-то около того...
- Не так уж много, чтобы разлюбить... Красивая жена, дом, достаток... Скажи мне, чего он в петлю полез? То есть в прорубь...

– Не знаю... Я сама была удивлена, когда узнала, что он покончил жизнь самоубийством. Павел Иванович собирался жить долго.

– Ты с ним разговаривала на эту тему?

– Да. Они у нас в гостях иногда бывали. Антон приглашал...

– Значит, не собирался он умирать.

– Нет... А ты что, хочешь до истины докопаться?

– Не знаю. Надо бы заняться. Но мне сейчас не до того. Я сейчас только о тебе могу думать. А все остальное из головы позорно бежит...

– Так же позорно я должна бежать от собственного мужа, – то ли спрашивая, то ли утверждая, сказала она.

– Это тебе решать.

– Кстати, он не знает, что ты здесь.

– Он?! Не знает?! – изумленно вскинулся Панфилов. – Он что, не говорил тебе про меня?

– Нет. А вы что, уже виделись?

– Да, позавчера... Он сам ко мне подъехал. Утром. Кстати сказать, с глубоко похмелья...

– Позавчера?... Да, было. Из Москвы поздно вернулся, хорошо подшофе. Презентация нового салона. Он бытовой и компьютерной техникой торгует... А утром снова в Москву поехал, один, за рулем. Я его пускать не хотела, да разве ж его удержишь?..

– А я, представь себе, удержал. Прав его лишили, он у меня в камере почти весь день провел...

– Странно. Я не знала.

– Действительно, странно... Максютова знает, а ты нет...

– Кто знает? – встрепелась Настя.

– Алла Максютова... Она сказала, что весь поселок знает, как я с твоим мужем обошелся. Скандал мне устроила...

– Весь поселок знает?... У меня подружки в поселке есть. Если бы все знали, я бы тоже узнала...

– Вот я и говорю, что странно... Значит, ты с Нонной его застукала, через год после свадьбы... А она в Москве живет, да?

– Это ты о чем?

– Ну, и у него офис в Москве.

– Да. Но это же не значит, что у них... А может, и значит... Ты меня не обманываешь? – с подозрением спросила она.

– Нет. И в заблуждение ввести не пытаюсь... Да ты и сама знаешь, что муж твой не ангел...

– Знаю... Но это мои личные проблемы...

– Теперь это наши с тобой проблемы... Что бы ты ни думала, а тебе от меня никуда не деться...

– А я все равно подумаю, ладно?... Мне уже пора...

– Когда ты дашь мне ответ?

– Завтра. В семь вечера. Здесь, на этом месте...

Она не побоялась подвезти его к опорному пункту. По пути он показал ей дом, который снимал.

Вечером он пришел домой, прямо в одежде завалился на кровать, положил руку на лоб. Раздражающее тиканье часов на фоне угнетающей тишины, отнюдь не вдохновляющая ветхость вокруг. Бросить бы все да уехать поскорей, вместе с Настей... Если завтра она скажет «да», он тут же увезет ее далеко-далеко. А скажет «нет», все равно увезет – похитит, украдет,

но она будет с ним. Вопрос, как дождаться завтра, когда секунды тянутся как минуты, а часы как целая вечность... На озеро сходить, у воды посидеть, но без Насти там тоска смертная...

Он пытался заснуть, чтобы сном убить вечер, но тщетно. Так и пролежал на койке поверх одеяла до самой полуночи. Потом все-таки встал, вышел во двор.

Ночь, звенящая тишина, небо затянуто тучами, прохладный ветерок с озера. И еще едва уловимый шум мотора, как будто катер по воде идет.

Он спустился к озеру, встал на шаткие мостки над водой, присмотрелся.

По воде с шумом двигалось темное увеличивающееся в размерах пятно. В конце концов он различил силуэт моторной лодки. Да, он не ошибся в своих предположениях.

Чем ближе была лодка, тем больше Панфилов убеждался в том, что плывет она к нему. Она уже совсем близко, сбавляет ход. Отчетливо виден контур плексигласового ветрового стекла. За рулем женщина... Глиссерная лодка вплотную подошла к мосткам, остановилась, качнувшись на волне. За рулем Настя.

Панфилов почувствовал, как за спиной раскрываются крылья. Заунывная ночь вдруг стала лирично-романтической. Небо вдруг просветлело, хотя луна и не думала выныривать из-за туч.

Настя бросила ему веревку, он поймал ее, прикрепил к опорному бревну импровизированной пристани. Подал руку любимой женщине, помог ей взойти на мостки.

– Ты меня ждал? – спросила она.

– Да.

Не думал он, что Настя может приплыть к нему на лодке. Но при этом он не врал. Ведь он действительно ждал ее. Пусть не сегодня и не здесь...

– Оказывается, все просто. Мой дом на берегу и твой, а озеро одно...

Настя улыбалась, но чувствовалось, что она очень взволнована, и, похоже, не только встречей в ночи.

– И ее тоже, – добавила она, изменившись в лице.

– Чей ее? – не понял Марк Илларионович.

– Рощиной... То есть Максютовой... Это наша лодка... – кивнув головой в сторону катера, сказала она. – И Антон мог ходить на ней к этой... По ночам... У них был секс...

– Ты в этом уверена? – пристально посмотрел на нее Панфилов.

– Да.

– И когда ты об этом узнала?

– Сегодня... Письмо вечером пришло, на электронку, в мой ящик. Открыла, а там видео-файл... Алла и мой Антон... – в расстроенных чувствах Настя прикрыла ладонью глаза, чтобы он не видел, как она морщится. – Ты как в воду смотрел...

– Я?! Как в воду смотрел? – удивился он. – Разве я говорил, что Антон твой с Максютовой грешит?..

– Нет, но намекал...

– Я говорил, что Нонна в Москве живет, а не ее сестра...

– Какая разница, что с той, что с этой?

– Это верно, разницы нет... Пошли в дом, холодно здесь.

– Холодно. Ты бы меня чаем напоил.

– И чаем напою. И коньяк у меня для согрева есть.

Он повел ее в дом, который вдруг вновь стал таким притягательно уютным. Посадил Настю на диван, накинул ей плед на плечи. Налил воды в электрический самовар. Немного подумал и затопил печь.

– Ты такой заботливый, – нежно улыбнулась ему Настя.

– Для тебя – любой каприз.

– Я ушла от Антона.

– Я этому только рад. В Москву тебя увезу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.